

**Международный Фонд социально-экономических
и политологических исследований (Горбачев-Фонд)**

Шоковая терапия в России – истоки и цена

**Итоговый доклад по проекту на 2010 год,
выполненный В.А.Медведевым
с участием Г.С.Остроумова**

2010 год

Содержание

Вступление	3
Раздел I. <i>Борьба вокруг перестройки экономики (конец 80-х – начало 90-х годов)</i>	
1. Как была пущена под откос реформа 1987 года	5
2. Попытки реформирования экономики в 1989-1991 годах	9
3. Августовский путч. Прелюдия шоковой терапии	25
Раздел II. <i>Шоковая терапия в действии</i>	
1. Генезис шоковой терапии	32
2. Либерализация цен	37
3. Приватизация собственности	42
4. Проблемы рыночной инфраструктуры	49
5. Криминализация экономики	54
6. Монетаризм на российской почве. Дефолт-98	58
Раздел III. <i>Экономические, социально-политические последствия шоковой терапии</i>	
1. Катастрофическое падение производства и деградация народного хозяйства	69
2. Обнищание населения и социальная поляризация	75
3. Шоковая терапия и кризис ельцинского режима	83
Заключение	93

Вступление

Последнее десятилетие прошлого века оказалось одним из наиболее тяжелых в истории нашей страны и в первую очередь ее экономики. Материальные потери, которые понесла она в ходе шоковой терапии, сопоставимы, пожалуй, лишь с ущербом от Первой мировой войны и распадом Российской империи или от нашествия фашистской Германии на Советский Союз. Объем производства в стране и жизненный уровень населения упали вдвое, многие миллионы людей были отброшены в состояние нищеты и борьбы за выживание при неслыханном обогащении вновь возникшей финансовой олигархии, тесно связанной с государственным аппаратом. Оказалась разрушенной социальная инфраструктура общества, труднопоправимый ущерб нанесен гуманитарной сфере – науке, образованию и культуре.

По объему производства Россия смогла выйти на уровень 1990 года лишь к 2006-2007 годам, да и то за счет увеличения добычи и первичной переработки природных ресурсов при запущенности обрабатывающей промышленности (прежде всего машиностроения) и сельского хозяйства. Не случайно мировой экономический кризис 2008-2009 годов нанес России наиболее существенный урон.

В итоге экономика России застряла на уровне начала 90-х годов прошлого столетия как по своему объему, так и по научно-техническому облику, структуре и эффективности. В то же время для развитых стран Запада – США, Европейского Союза и особенно Китая, Индии, Бразилии – это был период быстрого роста и постиндустриальной перестройки экономики. Для России возникла реальная опасность надолго, если не навсегда, быть отодвинутой на обочину мирового экономического развития. Это подчеркивает важность задачи модернизации России, выдвинутой ее нынешним руководством, необходимость всесторонней, тщательной разработки ее программы.

Не случайно наследие 90-х годов остается в центре общественных дискуссий. Красной нитью печатных и устных выступлений политических дея-

телей ельцинской администрации России проходит утверждение о неизбежности и неотвратимости шоковой терапии экономики страны, предложенной и осуществленной командой Е.Гайдара. Некоторыми авторами оно и сегодня используется для оправдания беспрецедентного в мирное время обвала экономики и падения уровня жизни людей в 90-е годы, мотивируется ошибочностью горбачевской политики перестройки, с тем, чтобы попытаться переложить вину «с больной головы на здоровую». Это диктует необходимость вернуться к анализу шоковой терапии - того, что ей предшествовало, как она проводилась и к чему привела.

Раздел I. Борьба вокруг перестройки экономики (конец 80-х – начало 90-х годов)

1. Как была пущена под откос реформа 1987 года

Руководству страны, пришедшему к власти в 1985 году, досталось сложное экономическое наследство, обусловленное экстенсивным характером советского хозяйства, растущей зависимостью страны от экспорта топливно-сырьевых ресурсов и импорта зерна, непосильным бременем военных расходов, напряженностью бюджета и платежного баланса.

Благодаря оздоровлению общественно-политического климата в стране, повышению дисциплины и материальной заинтересованности людей – индивидуальной и коллективной – в 1985-1988 годах удалось добиться некоторого оживления экономического роста. Об этом можно судить по данным таблицы 1.

Таблица 1.

Индексы основных социально-экономических показателей (в % к предыдущему году)¹

	1985	1986	1987	1988	1989	1990	1991 (1-е полугодие)
Валовой общественный продукт	102,4	103,3	102,6	103,5	101,9	98,0	
Произведенный национальный доход	101,6	102,3	101,6	104,4	102,5	96,0	89,0
Продукция промышленности	103,4	104,4	103,8	103,9	101,7	98,8	94,2
в том числе:							
производство средств производства	103,5	105,9	103,7	103,4	100,6	104,4	
производство предметов потребления	103,0	102,6	104,1	105,4	104,9	104,4	
Продукция сельского хозяйства	100,2	105,3	99,4	101,7	101,3	97,1	
Производительность общественного труда	101,3	102,1	101,5	104,8	102,3	97,0	
Денежные доходы населения	103,7	103,6	103,9	109,2	113,1	116,9	
Выплаты и льготы населения из общественных фондов потребления	104,5	105,4	105,0	107,7	108,4	110,6	
Оборот внешней торговли (в сопоставимых ценах)	99,6	102,3	100,6	102,6	104,5	104,9	104,4

¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г. Статистический еженедельник. М. «Финансы и кредит», 1991 г., с.7. Данные за первое полугодие 1991 г. – из послания М.С.Горбачева руководителям стран «семерки» в связи с встречей «семерки» в Лондоне.

Как видно из таблицы 1, наилучшие результаты за годы перестройки были получены в 1988 году. Но уже в 1989 году экономический рост стал меньшим, а в 1990 году уступил место снижению производства, которое продолжилось и в 1991 году. Следует признать, что экономику страны не удалось вывести из экстенсивного состояния на траекторию современного научно-технического развития и качественных перемен, преодолеть ее зависимость от сырьевых отраслей и цен на нефть, освободить от непомерной тяжести расходов на оборону.

Это можно объяснить стечением и взаимопереплетением ряда неблагоприятных факторов как объективного, так и субъективного характера. К числу первых следует отнести трехкратное снижение мировых цен на нефть и нефтепродукты в середине 80-х годов, тяжело сказавшееся на валютных поступлениях, доходах госбюджета – на общем финансовом состоянии страны и ситуации на внутреннем рынке.

Тяжелым и непосильным для экономики страны бременем были расходы на оборону, поглощавшие более пятой части государственного бюджета. Несмотря на серьезные подвижки в ослаблении международной напряженности и военно-стратегического противостояния с США (освобождение Европы от ракет средней и меньшей дальности, ограничение наступательных вооружений, вывод войск из Афганистана), расходы на оборону сохранялись на очень высоком уровне¹. Лишь в 1990 году бюджетные расходы на оборону были сокращены примерно на 8%.

Что касается субъективных факторов, то они связаны с выработкой и практическим осуществлением новой экономической политики, проведением глубоких экономических преобразований. Вопрос о радикальной экономиче-

¹ Следует отметить, что до 1989 года в госбюджете страны они показывались лишь в части расходов на содержание личного состава вооруженных сил. Последние составляли 19-20 млрд.рублей. Основная же их часть – закупка техники, строительство военных объектов, научно-исследовательские работы проводились по другим статьям бюджета. Доля военных расходов в бюджете показывалась на уровне 5% вместо 20% на деле. Но и эта цифра была заниженной, поскольку не учитывала тот факт, что цены на конечную продукцию предметов военного потребления в отличие от гражданской продукции не включали в себя налога с оборота, т.е. были явно заниженными. Значительная часть расходов, проходивших в бюджете по статье расходов на науку, шла на оборонце цели и т.д.

ской реформе был поставлен лишь спустя два года после прихода к власти перестроечного руководства.

Конечно, это время нельзя считать потерянным для экономических преобразований. Был принят ряд важных мер по ускорению научно-технического прогресса, интеграции и модернизации управленческих структур, повышению качества продукции, поощрению индивидуальной трудовой деятельности, подряда, личного подсобного хозяйства и т.д. Но общая концепция экономической реформы была разработана и принята на Пленуме ЦК лишь в июне 1987 года, когда проблемы экономического развития страны стали принимать все более острый характер.

В процессе подготовки пленума столкнулись два концептуальных подхода к экономической реформе: один – радикально-реформистский, нацеленный на всестороннюю демократизацию и коммерциализацию экономики, превращение предприятий в самостоятельных товаропроизводителей, другой – на сохранение и лишь частичное изменение планово-централизованной экономической системы. Первый подход был четко выражен в докладе М.С.Горбачева на Пленуме ЦК и в его общей резолюции. Второй подход сказался на документах по конкретным аспектам предстоящей реформы, которые готовились в правительственных структурах.

Решения июньского Пленума ЦК о радикальной экономической реформе оказали противоречивое влияние на ситуацию в народном хозяйстве: в 1988 году, как уже отмечалось, она улучшилась. Но на этот положительный эффект наложились негативные факторы, связанные уже на том этапе с консервативными настроениями в государственно-хозяйственном аппарате и в традиционных партийных кругах, приверженных старым методам и отвергающим серьезные шаги в сторону рыночного хозяйства. Именно по этой причине оказались блокированными реформа ценообразования и переход от системы материально-технического снабжения к договорной купле-продаже средств производства.

Что касается радикал-либеральной оппозиции в экономических преобразованиях, то она в тот период отчетливо еще не сложилась. Ее будущие приверженцы, не имея тогда сколько-нибудь цельной концепции экономического развития, ограничивались демагогическими суждениями и требованиями по отдельным вопросам. Например, предлагалось закрыть прорехи на внутреннем потребительском рынке путем массовой закупки товаров в соц-странах в счет их долгов перед нами. Авторам этих предложений было и невдомёк, что к концу 80-х годов в связи со снижением цен на нефть мы оказались в долгу у этих стран (кроме Польши).

Признаки радикал-либерализма угадывались и в демагогических требованиях безусловного отказа от увязки роста зарплаты с повышением производительности труда, невзирая на перемены других компонентов хозяйственного механизма. И уж совсем странным выглядело фактическое смыкание радикал-либералов и консерваторов в негативном отношении к реформе цен и ценообразования, без чего никакое преобразование экономической системы было немислимо.

Между тем, с 1989 года ситуация в экономике страны стала быстро ухудшаться. Рост производства еще продолжался, но его темпы по основным показателям – валовому общественному продукту и национальному доходу, продукции промышленности и сельского хозяйства, производительности труда – заметно упали и снова приблизились к доперестроечной нулевой отметке.¹ Особенно тревожно складывалась ситуация на потребительском рынке, в финансовой сфере и денежном обращении.

Сказалось сочетание ряда неблагоприятных факторов, в частности внешнеэкономических. Из-за низких цен на нефть начали падать ее добыча и экспорт. Впервые за многие годы внешнеторговый баланс стал отрицательным. Но, пожалуй, наиболее чувствительное влияние на экономическую ситуацию оказала неудача, можно сказать, даже срыв экономической реформы, разработанной в 1987 году. Он повлиял, с одной стороны, на снижение тем-

¹ См. таблицу 1.

пов экономического роста, а с другой – на рост денежных доходов населения. Последние выросли в 1989 году на 13,1% при увеличении валового общественного производства - на 1,9%, промышленной продукции – на 1,7% (в том числе предметов потребления – на 4,9%), сельского хозяйства – на 1,3%¹.

Неустойчивое состояние приобрел потребительский рынок. Даже небольшой частный сбой вызывал всплески ажиотажного спроса. Из свободной продажи периодически исчезали не только сахар, кондитерские изделия, но и зубная паста, мыло и стиральный порошок, школьные тетради, батарейки, застежки молний и т.д., не говоря уже о мясе, обуви, меховых изделиях.

2. Попытки реформирования экономики в 1989-1991 годах

В этих условиях с новой силой развернулась борьба вокруг реформирования экономической системы. Теперь она вышла за рамки КПСС на общеполитическую арену и оказалась в сфере деятельности высших органов государственной власти страны в лице съездов народных депутатов, Верховного Совета СССР и сформированного ими летом 1989 года нового правительства Рыжкова Н.И. В его составе была создана Государственная комиссия по экономической реформе во главе с Л.И.Абалкиным в ранге заместителя председателя правительства. В Комиссию наряду с руководителями экономических ведомств вошли академики А.Г.Аганбегян и С.С.Шаталин. К участию в ее работе были привлечены Е.Я.Ясин, В.Покровский, П.М.Кацура, Г.А.Явлинский и другие экономисты. Таким образом, центр тяжести в подготовке нового захода на экономическую реформу переместился в правительство и его структуры, подотчетные Съезду народных депутатов и Верховному Совету.

Новый проект экономической реформы был подготовлен в достаточно сжатые сроки. Уже в середине ноября 1989 года он был обнародован и обсужден на конференции в Колонном зале Дома Союзов с участием высшего ру-

¹ Народное хозяйство СССР в 1990 г., с.7.

ководства страны, членов правительства и широкого круга партийно-хозяйственного актива.

Предлагалось в 1990 году принять неотложные меры по стабилизации экономического положения в стране и выработать параметры нового хозяйственного механизма, в 1991-1992 годах осуществить его запуск, включая частичную либерализацию цен, финансовое оздоровление и стабилизацию денежного обращения, перестройку финансово-кредитной системы, реформу оплаты труда, трудовых отношений и социальной поддержки населения с тем, чтобы завершить реализацию экономической реформы в 1993-1995 годах¹.

Как новый проект соотносился с тем, который был разработан июньским Пленумом ЦК КПСС и принят в 1987 году? К сожалению, этот вопрос не был четко и ясно поставлен, да и в последующем почему-то обходился, а новый вариант выстраивался как бы «с чистого листа». В какой-то мере это можно объяснить тем, что новый вариант инициировался и выстраивался правительством, а не партийным руководством. Что же касается существа и содержания нового проекта, то он воспроизводил основные идеи и положения реформы 1987 года, в чем-то идя дальше с учетом меняющейся обстановки, а в чем-то отступая от них. Продвижение касалось, например, форм собственности, в частности ее акционирования, финансового оздоровления экономики, модернизации банковской системы. В то же время сроки перехода к свободному ценообразованию, как и осуществления реформы в целом, предлагались явно более растянутыми.

Вокруг новых предложений развернулась острая дискуссия. Они оказались неприемлемыми для консервативных кругов, в которых Л.И.Абалкин слыл рыночником. Именно в этом духе было организовано пикетирование конференции в Колонном зале. В дальнейшем же критика нового варианта экономической реформы, в отличие от 1987 года, стала быстро нарастать с

¹ Абалкин Л.И. Страницы исторической памяти. Институт экономики РАН. М., 2007, СС.78-82.

другой, прямо противоположной стороны – нарождающейся радикально-либеральной оппозиции.

Это отчетливо проявилось на Втором съезде народных депутатов СССР, на котором 13 декабря 1989 года Н.И.Рыжков выступил с докладом о реформе. В нем он дал оценку экономической ситуации в стране и изложил предложения правительства по экономической реформе. Доклад носил эклектический характер. Между его разделами не было необходимой стыковки, что отражало различие между позициями Комиссии по реформе, с одной стороны, и Госплана и Министерства финансов – с другой. Он вызвал противоречивую реакцию. Съезд лишь в основном одобрил предложения по экономической реформе и предложил продолжить работу над ними.

В начале 1990 года в условиях усложнения социально-экономической ситуации, обострения политических противоречий и межнациональных отношений Комиссией Л.И.Абалкина была предпринята новая попытка радикализации экономической реформы под девизом: «К регулируемой рыночной экономике», активно поддержанная Председателем Госплана Ю.Д.Маслюковым, руководителем Центробанка В.В.Герашенко. Предусматривалось ускорить создание системы рыночных институтов – акционерных обществ, коммерческих банков, товарных бирж, налоговых служб, социальных институтов и служб. Изменилось отношение правительства и к ценовой реформе: не растягивать ее, начиная с оптовых цен, а провести общую реформу ценообразования, предусмотрев компенсацию потерь населения от повышения розничных цен.

Предложения правительства были обсуждены на совместном заседании Президентского Совета и Совета Федерации, а в мае правительство внесло в Верховный Совет доклад «Об экономическом положении страны и концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Нельзя не отметить, что авторитет правительства к этому времени был серьезно подорван нарастающими трудностями, затяжкой экономических реформ, по стране прокатыва-

лись волны забастовок. Внимание партии было сосредоточено на подготовке к своему XXVIII съезду, обостряющейся внутрипартийной борьбе.

В этих условиях была допущена серьезная политическая и тактическая ошибка. Выступая в Верховном Совете с обновленной программой реформ, Н.И.Рыжков объявил о предстоящем повышении розничных цен, обещав компенсировать 2/3 потерь населения увеличением прямых денежных доходов. Конечно, о реформе розничных цен и, в частности, о необходимости повышения цен на продовольствие и раньше не раз говорилось в официальных партийных и государственных документах, выступлениях Горбачева. Но при этом всегда подчеркивалось, что такое решение не будет приниматься без совета с народом, широкого публичного разъяснения и обсуждения в средствах массовой информации, через профсоюзы и другие общественные организации, трудовые коллективы.

Ничего этого не было сделано, и реакция населения последовала незамедлительно. Волны ажиотажного спроса смели с прилавков не только продовольственные, но и многие промышленные товары, паника охватила сферу торговли на всей территории страны. Авторитет правительства упал до нижней точки, зазвучал с новой силой мотив его отставки. В результате программа экономической реформы правительства и на сей раз не была принята. 13 июня Верховный Совет поручил правительству внести в нее изменения и представить к 1 сентября 1990 года.

Дальнейшие перипетии событий вокруг реформирования экономики определялись обострением политической обстановки в стране. В период подготовки и в ходе XXVIII съезда КПСС в обществе ускорилось формирование радикал-либеральной оппозиции. На вновь избранном Съезде народных депутатов РСФСР оппозиции удалось избрать Ельцина Председателем Верховного Совета РФ. Главой Российского правительства стал Силаев И.С., работавший до этого заместителем главы Союзного правительства Рыжкова.

Вся предвыборная кампания Ельцина строилась на яростной критике экономической политики Горбачева и всей перестройки в целом. Представ-

ления Б.Ельцина о радикальных экономических реформах сводились тогда прежде всего к тому, чтобы, как он говорил в Юрмале летом 1990 г., «разрушить вертикальный жесткий стержень связей союзных республик с Центром и идти на прямые связи суверенных, независимых государств, на договоры, которые не диктовались бы из Центра». В формуле Горбачева «Сильный центр – сильные республики» он усматривал посягательство Союза на суверенитет России. По настоянию Ельцина Съезд народных депутатов РСФСР объявил 22 июня 1990 г. о выводе Совета Министров РСФСР из подчинения Союзному правительству. Так началось разрушение целостности союзной исполнительной власти, а за нею и всей союзной государственности.

«Разрушить», «сломать хребет» - вот доминанты всей ельцинской политики, в том числе экономической. В целях нажима на Союзный центр Ельциным была использована и организованная радикал-демократами в июне 1990 г. всесоюзная забастовка шахтеров с требованиями отставки Союзного правительства. Шахтеров цинично использовали в политических целях, о чем они позднее публично рассказывали на международной конференции, состоявшейся в 2000 году в Москве.

Что касается собственной конструктивной программы, то ее у ельцинской оппозиции не было. Лихорадочный поиск быстрых решений вывел Ельцина на молодого, тогда малоизвестного экономиста Г.А.Явлинского, привлеченного Л.И.Абалкиным к работе руководимой им Комиссии по реформе. По свидетельству Абалкина, Явлинский еще в начале 1990 года представил ему программу «400 дней» как возможный проект программы для Горбачева, только что избранного Президентом СССР. В этом качестве разработка Явлинского оказалась невостребованной, но новые российские власти заметили Явлинского и представили Ельцину, который сделал его заместителем руководителя Правительства РСФСР, ответственным за разработку российского варианта реформ, в ходе которого «400 дней» превратились в «500». Так в

руках Ельцина оказалась альтернативная программа экономических реформ, отличная от программы Союзного правительства¹.

2 августа 1990 года Горбачев и Ельцин, а также главы правительств СССР и РСФСР Рыжков и Силаев подписали документ о разработке совместной программы по переходу к рынку и создали для этой цели рабочую группу во главе с С.С.Шаталиным, в которую вошли Г.А.Явлинский, Н.Я.Петраков, Е.Г.Ясин, В.А.Мартынов и ряд других экономистов².

Не дожидаясь результатов совместной работы, Ельцин в августе 1990 г. на массовых встречах и митингах в городах России настраивал граждан против союзных структур, обещал им быстрый – через полтора – два года – подъем экономики и уровня жизни в случае поддержки российских властей в их противостоянии с Союзным центром. «Имеется в виду, - обещал он 12 августа в Казанском университете, - в течение двух лет стабилизировать экономику и на третий год повысить жизненный уровень людей. Всегда так говорил, говорю и от этого не отступлю».

Противопоставляя союзной экономической программе российскую, Ельцин заявлял: «Если мы за два-три года не выполним свою программу, то народ просто поднимет на вилы тех, кто не способен руководить. Программа союзного правительства нам не пригодна. Мы ее категорически отвергаем... Потому что начало этой программы – повышение цен. Народ не может принять такую программу. Российская программа отличается от союзной, она рассчитана на повышение не цен, а уровня жизни народа. Через два года»³. «Мы от союзной структуры отказываемся, от всех министерств союзных отказываемся, все берем на себя, в России не будет этой бюрократии... Вокруг России будут и другие союзные республики соответственно как-то консолидироваться... Переходный период будет самый тяжелый – год, год с неболь-

¹ См. Абалкин Л.И. Страницы исторической памяти, сс.93-94.

² В составе группы значился и Л.И.Абалкин, но участия в ее работе он не принял.

³ Газета «Советская Башкирия», 14 августа 1990 г.

шим... В этот период – пятьсот дней, два года перехода к рынку – не будет снижен уровень жизни людей. Третий год – повышение!...»¹.

Чего здесь больше: некомпетентности или демагогии? И того и другого – более чем достаточно. И это обнаружилось в 90-е годы, когда Ельцин пришел к власти в стране, в катастрофическом повышении цен и вдвое упавшем уровне жизни населения, и расцвете чиновничьей бюрократии.

Острое противоборство между программой правительства Союза и программой Шаталина-Явлинского довольно подробно описано в литературе². Не повторяя того, что сказано и написано за и против той и другой программ, можно отметить, что программа Шаталина-Явлинского была более привлекательной, конкретной и последовательной, не была отягощена грузом традиционных представлений и привязанностей. Но главным в борьбе, развернувшейся вокруг двух программ, оказались не экономические различия между ними: они были не столь уж глубоки, и их можно было бы без больших усилий преодолеть. Все дело в том, что к этому времени экономика все более превращалась в заложницу политической борьбы.

Для Ельцина достоинство совместной программы было прежде всего в самом факте признания руководства Российской Федерации наряду с Союзным центром равноправным субъектом реформы и тем более ее инициатором. Его интересам соответствовало и то, что в представленной комиссией Шаталина-Явлинского программе говорилось лишь об экономическом союзе республик и умалчивалось о политическом их союзе, союзном государстве и его центре. Объяснение этого факта тем, что программа эта носит чисто экономический характер, выглядело совершенно неубедительно. Ведь субъектом союзной программы может быть только союзное государство, а не какой-то межреспубликанский экономический комитет, как это предлагалось в проекте программы. Вряд ли можно считать случайным отсутствие в программе

¹ Газета «Красное знамя», 16-17 августа, Сыктывкар.

² См. Горбачев М.С. «Жизнь и реформы», книга 1, гл.18. Медведев В.А. «В команде Горбачева», 1994 г., гл.V.

Шаталина-Явлинского даже упоминания о союзных налогах, что сразу же обратило на себя внимание.

Что касается Горбачева, то в реально складывающейся обстановке в стране он не мог уклониться от выработки совместной с Ельциным программы экономических реформ, хотя веские основания для этого были (почему совместная программа только с одной из республик Союза ССР?). Отказ от нее ослабил бы и без того пошатнувшиеся позиции союзного руководства и особенно его правительства, затянувшего проведение экономической реформы, а совместная разработка с Россией открывала возможность его ускорения. К сожалению, союзное правительство, подпись руководителя которого стояла под документом о создании совместной программы рыночной реформы, самоустранилось от ее разработки. В результате она приобрела односторонний характер, предопределяющий резкое снижение экономических функций Центра.

Программа была разработана для «экономического союза суверенных республик». Но такого союза еще не было. Его предстояло создать, определив его полномочия в управлении экономикой и ее реформировании. В концепции программы делается ссылка на то, что параграф об «экономическом союзе суверенных республик» согласован с «представителями республик». Но это просто несерьезно. Такой союз мог возникнуть лишь как итог официальных переговоров и утверждения соответствующими органами власти. Его невозможно представить без общего Союзного договора, о котором в программе вообще нет никакого упоминания. Зато говорится о десяти приложениях к договору об экономическом союзе, регламентирующих формы и механизмы согласования экономической политики государств – членов Союза. И тем не менее выполнение программы, представленной в начале сентября, предлагалось начать уже с 1 октября с принятия чрезвычайных мер «до начала 1991 года» и осуществить в течение 500 дней. Думается, что на реалистичности программы отрицательно сказалось и отсутствие в составе рабочей

группы специалистов-профессионалов, имеющих практический опыт управления экономикой и ее реформирования.

Вернувшись в конце августа из отпуска, Горбачев провел совместное заседание Президентского Совета и Совета Федерации, на котором академик Шаталин доложил об основном содержании рыночной программы «500 дней». (Текста самой программы еще не было). Развернулась дискуссия, в ходе которой Ельцин признал, что попытка создать российскую программу перехода к рынку показала, что ее осуществить в рамках России невозможно. Для этого надо распустить Союз. Отсюда – предложение Президенту СССР использовать ее для создания общесоюзной программы.

Рыжков расценил программу «500 дней» как стремление отстранить союзное правительство от разработки рыночной реформы и заявил, что оно, выполняя поручение Верховного Совета СССР, завершает свою программу и представит ее в установленные сроки. При этом Рыжков умолчал о поручении готовить совместную программу, под которым стоит и его подпись.

В дальнейшем в течение полутора месяцев Горбачев провел ряд серьезных обсуждений сложившейся ситуации и неотложных мер по выработке общей программы. Его попытка сделать единый документ двумя сторонами «под арбитражем» академика Аганбегяна не удалась. Подлили «масла в огонь» одностороннее одобрение плана «500 дней» Верховным Советом РСФСР, сепаратное повышение Россией цен на мясо, а также цен на нефть до 120 рублей за тонну против 25 рублей действующих и 70 рублей по подготавливаемому союзному прејскуранту.

В этих условиях Горбачев принимает решение - сформировать на основе имеющихся альтернативных проектов более сжатый принципиальный документ «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». Он был создан под его непосредственным руководством, 13 октября обсужден на встрече Горбачева с председателями Верховных Советов (президентами) союзных республик, а 16 октября представлен на утверждение Верховного Совета СССР.

В тот же день вечером Ельцин выступил по телевидению с резким, конфронтационным заявлением. Не только по форме, но и по существу это был ультиматум и даже прямое объявление войны Центру под предлогом неприятия им российской рыночной программы. На заседании Президентского Совета, созванном в связи с заявлением Ельцина, подводя итоги состоявшейся острой дискуссии, Горбачев подчеркнул: «Народ примет реалистическую программу. Надо идти к рынку, к Союзному договору... Мы привержены взятому курсу и надо ему следовать... Тон речи (Ельцина) и выбор момента рассчитаны на конфронтацию. Это не тот путь. Люди ждут реальных дел. Ждут порядка... И реакция Ельцина должна быть в делах!».

19 октября Верховный Совет СССР принял постановление «Об основных направлениях стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике», представленное Горбачевым. Противостояние программ перехода к рынку казалось бы завершилось, но противоречия между союзным и российским руководством не утратили своей остроты.

Между тем СССР вступал в полосу серьезного кризиса – и экономического, и политического при их тесном переплетении и взаимовлиянии: нарастание экономических трудностей усложняло политическую обстановку, что, в свою очередь, затрудняло решение экономических проблем, и наоборот. Замедление темпов экономического роста переросло в 1990 году в абсолютное сокращение производства.

Как видно из таблицы 1, оно произошло в 1990 году во всех основных секторах народного хозяйства, за исключением производства предметов потребления.

В немалой степени это было обусловлено крайне неблагоприятными внешними факторами, общим ухудшением экономической ситуации в мире. Из-за низких цен на нефть ее добыча у нас в стране в 1990 году в сравнении с 1988 годом сократилась больше, чем на 50 млн.тонн, а экспорт жидкого топлива (включая нефтепродукты) – на 45 млн.тонн, т.е. примерно на четверть. Падение добычи нефти продолжалось и в 1991 году. В результате резко

уменьшились валютные доходы страны, сократился импорт некоторых важных материалов и изделий производственного назначения, а также зерна и многих предметов потребления.

В условиях обострения финансовой ситуации все ресурсы были брошены на поддержание потребительского рынка. Благодаря этому в 1990 году удалось сохранить рост производства предметов потребления, увеличить закупки производственных и промышленных товаров для населения за рубежом. В основном на эти цели была использована валютная выручка от продажи за границей около 2 тонн золота, а также крупные зарубежные кредиты. И тем не менее нормализовать потребительский рынок в 1990 году не удалось: розничный товарооборот страны (в реальном исчислении) увеличился на 10,3%, тогда как денежные доходы населения возросли почти на 17%. Еще более сложная картина сложилась в первой половине 1991 года: розничный товарооборот (в реальном исчислении) снизился на 12,2% при сокращении производства предметов потребления на 4%.

Все это привело к увеличению внешнего долга, который к середине 1991 года достиг 65 млрд.долларов против 30 млрд.долларов в 1985 году. В результате падения цен на нефть мы оказались в долгу и перед европейскими странами – членами СЭВ в размере около 20 млрд.долларов. Обслуживание растущего внешнего долга стало поглощать всебольшую долю валютных поступлений, ограничивая возможности самого необходимого импорта для внутреннего производства и потребления. Образовался некий порочный круг, а точнее – суживающаяся экономическая спираль.

Главной же причиной наступивших трудностей страны, в том числе и экономических, были не внешние, а внутренние факторы, и прежде всего деструктивные действия радикал-либеральной оппозиции, сепаратистских сил в руководстве Российской Федерации и других республик, их курс на разрушение единства Союза и его экономической основы.

Слов нет, децентрализация и демократизация управления экономикой, в том числе и повышение роли республик, были необходимыми. Эта задача

закладывалась в концепции рыночных реформ. В данном же случае дело было не только и не столько в этом, сколько - в стремлении к самоутверждению республиканских правящих элит в противовес союзным, к расширению их контроля за движением товароматериальных и финансовых потоков. Именно они составляли основу сепаратистских настроений.

Вначале это были робкие предложения о введении «республиканского хозрасчета», стремление сдерживать поставки дефицитной продукции для общесоюзных нужд. По мере обострения экономических трудностей тенденция экономической суверенизации республик приобретала все более разрушительный характер. Решающий толчок ей был придан ельцинской администрацией Российской Федерации. Все экономические программы и практические действия российского руководства были пронизаны стремлением ослабить и в конечном счете развалить Союз.

Уже в 1990 году началось «перетягивание» предприятий союзных министерств в российское подчинение, усилилось вмешательство российских инстанций в оборот их продукции, образование и использование финансовых ресурсов с явным стремлением ограничить их поступление в союзный бюджет. В октябре Верховный Совет РСФСР принимает закон об экономическом суверенитете России. Союзными властями он объявляется недействительным.

Но это российское руководство не остановило, и в конце 1990 года им было принято одностороннее решение сократить отчисления в союзный бюджет на 100 млрд.рублей так, чтобы весь налог с оборота сначала поступал не в союзный, а в российский бюджет, что помимо всего прочего подрывало возможности финансовой поддержки дотационных республик. Было также решено досрочно, в одностороннем порядке поднять оптовые цены на нефть и нефтепродукты, закупочные цены на мясо. Российское руководство стало активно добиваться контроля и за валютной выручкой, чтобы Союз получал ее от республик в виде неких отчислений.

Все это делалось под прикрытием популистской демагогии об избавлении России от тяжелого бремени расходов на поддержание других республик, что якобы позволит россиянам быстро обрести уровень благосостояния развитых стран Запада. Одновременно российское руководство в интересах ослабления и развала Союза поддерживало сепаратистские настроения и практические действия республиканских элит в этом направлении.

Реакция союзных республик на российскую суверенизацию была неоднозначной. С одной стороны, вкус независимости и полновластия завлекал и кружил голову, особенно в правящих кругах более развитых республик, а с другой – в менее развитых республиках Закавказья и Средней Азии возникали серьезные опасения возможных трудностей.

Свои экономические интересы республики защищали, как могли. Здесь и законные протесты на сокращение традиционных субвенций из союзного бюджета, и необоснованное придерживание поставок товаров на союзный рынок, и стремление выйти на внешний рынок и получить доступ к валютным поступлениям. Казахстан и Украина так и не выполнили поставки зерна на общесоюзные цели из урожая 1990 года – одного из самых высоких за всю историю страны. В первом квартале 1991 года поставки мяса из Литвы составили 30-40% запланированных при том, что комбикорма они получили из централизованных фондов на 80%. Узбекистан в ответ на сокращение бюджетных субвенций сократил поставки хлопка с целью прямого выхода с ним на внешний рынок. Немалый урон экономике страны нанесли недопоставки продукции в связи с забастовками. В течение первых месяцев 1991 года остановились 5 коксовых батарей и 20 домен.

Эпидемия суверенизации не остановилась на границах союзных республик, охватила и автономные республики и области, входящие в состав союзных республик. На границах между ними стали возникать препоны для товарооборота, стремление попридержать поставки дефицитных товаров. Возникла реальная угроза дезорганизации всего внутреннего рынка страны.

В целях выхода из политического и экономического кризиса, в который все глубже погружалась страна, в конце 1990 года по инициативе Президента СССР были приняты важные решения по реорганизации государственного руководства страной и укреплению вертикали власти. Вместо Совета Министров СССР создан Кабинет Министров при Президенте СССР. Распущен Президентский Совет и образован Совет безопасности под председательством Президента, в состав которого вошли главы всех союзных республик.

Председателем Кабинета Министров стал В.С.Павлов, ранее зарекомендовавший себя как опытный финансист. Перед Кабинетом Павлова была поставлена труднейшая задача – предотвратить дальнейшее углубление наступившего экономического кризиса и полное расстройство потребительского рынка и денежного обращения. Даже реформа экономической системы отступила на второй план. Первый шаг Павлова оказался довольно странным – замена 50- и 100-рублевых купюр под предлогом предотвращения заговора, якобы подготовленного некими западными банками и направленного на подрыв денежного обращения в СССР. Ничего кроме возбуждения и возмущения эта мера, естественно, не дала.

Вместе с тем Кабинету Павлова удалось, наконец, осуществить назревшую и перезревшую реформу розничных цен. Опасения, связанные с повышением розничных цен, прежде всего на продовольственные товары, при одновременном возмещении потерь населения, в первую очередь малообеспеченных слоев, не оправдались. Обстановка в розничной торговле ощутимо изменилась. На прилавках в свободной продаже появились мясные и молочные продукты, не говоря о хлебобулочных изделиях. К сожалению, их запасы оказались недостаточными, а неконтролируемый рост денежных доходов не был остановлен. Так что благополучие в розничной торговле оказалось довольно шатким, непрочным.

Пересмотр розничных цен был проведен как срочная мера без серьезной увязки с другими компонентами экономических реформ. Но ее результа-

ты позволили вернуться к другим проблемам антикризисной программы, обозначенным в принятых Верховным Советом в октябре «Основных направлениях стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной реформе». По поручению Горбачева под руководством В.И.Щербакова - заместителя главы Кабинета Министров и при участии В.А.Медведева – советника Президента – была подготовлена и к концу мая представлена программа антикризисных мер.

После полосы острых политических столкновений в стране (Вильнюс, Рига, массовые оппозиционные митинги и демонстрации в Москве, забастовки, различные демарши российского руководства перед Центром) в кругах леворадикальной оппозиции появились некоторые признаки отрезвления на фоне нарастания активности консервативных сил в партии и Верховном Совете. Горбачев решил использовать этот шанс для того, чтобы ввести развитие событий в конструктивное русло. Это начинание было встречено с пониманием демократической оппозицией, трезво мыслящими руководителями большинства национальных республик.

Так возник новоогаревский процесс (9+1) – соглашение Президента СССР и руководителей девяти союзных республик о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолении кризиса, подписанное 23 апреля 1991 года в подмосковной резиденции Ново-Огарево. Оно было «в штыки» встречено на Пленуме ЦК КПСС 24-25 апреля, и только заявление об отставке, сделанное Генсеком, вынудило отступить партийных фундаменталистов.

Новоогаревское соглашение открыло возможность для нормализации обстановки в стране, принятия стабилизационных мер, введения особого режима для работы базовых отраслей промышленности и, пожалуй, самое главное – для завершения подготовки и принятия нового Союзного договора. Была согласована и дата его подписания – 21 августа.

С новоогаревским процессом были тесно связаны новые инициативы во внешнеэкономической политике, участие Горбачева в Лондонской встрече

«семерки» в июле 1991 года. Зондаж с нашей стороны по этому вопросу начался за несколько месяцев до встречи. Он дал в целом положительные результаты, несмотря на различное отношение к этому отдельных членов «семерки». В мае началась практическая работа по подготовке участия Горбачева в заседании «семерки». Координировать ее поручено Медведеву. В Волынское был высажен небольшой «десант», а для проработки отдельных вопросов был привлечен широкий круг специалистов. По ходу работы к ним регулярно приезжал Горбачев вместе с Павловым, Примаковым, Щербаковым, руководителями экономических ведомств.

В итоге был подготовлен текст личного Послания Президента СССР главам семи государств с развернутой оценкой экономической ситуации России и ее реформ, путей и возможностей ее вхождения в мировую экономику и ее структуры. К Посланию был приложен пакет предложений по программам экономического и научно-технического сотрудничества, а также перечень законодательных актов СССР по вопросам перехода к рыночной экономике.

8 июля на совещании в Ново-Огарево с руководителями республик в формате «9+1» Горбачев представил документы, подготовленные для «семерки». В выступлениях, в том числе Ельцина, было высказано полное согласие с содержащимися в них оценками и предложениями. Горбачеву был дан мандат на продвижение разработанной концепции в Лондоне. 11 июля личное Послание Горбачева с приложениями было направлено руководителям «семерки», а 17-18 июля состоялось само заседание, которое прошло, по оценке всех его участников, весьма успешно, положив начало участию нашей страны в этой неформальной, но очень важной международной структуре.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что к исходу лета 1991 года появился «свет в конце тоннеля» - обозначилась возможность выхода из политического и экономического кризиса, в котором оказалась страна, - через обновление политического союза республик и постепенную нормализацию

социально-экономической ситуации в стране. Но августовский путч 1991 года перечеркнул эту возможность.

3. Августовский путч. Прелюдия шоковой терапии

Путч и его провал коренным образом изменили ситуацию в стране. Консервативные круги, попытавшиеся силой заблокировать демократические процессы, восстановить старые, доперестроечные порядки в стране, потерпели полное поражение. Дискредитировали себя поддержавшие путч Политбюро ЦК и аппарат ЦК КПСС, руководители Верховного Совета, Кабинета Министров и силовых структур СССР – вооруженных сил, госбезопасности, внутренних дел.

Резко возросли авторитет и влияние российского руководства. Без согласования с ними теперь не могли принимать сколько-нибудь важные решения и оставшиеся союзные структуры. Одновременно усилились центробежные силы в национальных республиках. Так, уже 24 августа объявила о своей независимости Украина, а за ней и другие республики. Стало очевидно, что проект Союзного договора, подготовленный к подписанию 21 августа, не может быть принят в прежнем виде.

Путч вызвал тяжелые негативные последствия для экономики страны, привел к усилению распада межреспубликанских и межрегиональных поставок продовольствия, сырья и топлива, готовых изделий, финансовых и денежных потоков, игнорированию республиками своих бюджетных обязательств. Особенно болезненно на экономическом положении страны отразились замораживание как государственных, так и коммерческих кредитных линий из зарубежных стран, резкий спад валютных поступлений от внешней торговли.

СССР сохранил свое название, но по существу это была другая страна. Союзная власть в той или иной степени признавалась лишь в девяти республиках. Общие органы представительной власти (Съезд народных депутатов, Верховный Совет СССР) перестали функционировать. Правительство СССР

так и не было воссоздано. Вместо него после подавления путча был создан Комитет по оперативному управлению хозяйством (Силаев И.С. - председатель, Вольский А.И., Явлинский Г.А., Лужков Ю.М. – члены). Но он занимался лишь экономикой. Силловые ведомства, новые руководители которых были назначены по согласованию с Ельциным, подчинялись Президенту СССР фактически номинально.

Ельцинское руководство России с самого начала, еще задолго до путча, выступало за ее независимость, то есть за роспуск Союза, лишь слегка, с учетом общественного мнения маскируя эту свою цель. После провала путча оно предприняло попытку непосредственно подчинить себе Госбанк, в союзные министерства направило своих полномочных представителей. Потом этот процесс был приостановлен, но, как оказалось, лишь до поры до времени. Когда же в результате усилий Горбачева возобновилась работа над Союзным договором, Ельцин всячески препятствовал ей, категорически отвергая формулу союзного государства, даже конфедеративного, настаивая на термине «Союз Независимых Государств».

Российское руководство до последнего момента не соглашалось с самым упоминанием о правительстве в новом Союзе договоре. Впрочем, как показали последующие события, его участие в подготовке нового Союзного договора носило отвлекающий, тактический характер, а на самом деле проводилась линия на развал Союза, велись переговоры в этом духе с руководством других республик. В конце октября возобновились действия российского руководства по полному прекращению деятельности союзных структур. Они получили от Минфина Российской Федерации уведомление о том, что после 20 ноября их финансирование прекращается. 1 ноября Ельцин решил перевести в российское подчинение Госбанк СССР, используя как предлог для этого предоставление им кредита для покрытия расходов союзного бюджета. Все это явно свидетельствовало о том, что ельцинское руководство рассматривало развал Союза и смену социально-экономической сис-

темы как свои приоритетные задачи, целенаправленно ведя работу в этих направлениях.

Факты свидетельствуют о том, что Ельцин был одержим намерением распустить Союз и разрушить его экономическую основу.

Что касается Президента СССР, то после путча он стремился использовать все, казалось бы, оставшиеся у него возможности для сохранения Союза и преодоления экономических трудностей – даже ценой максимального расширения полномочий республик в политической, экономической, гуманитарной сферах. 29 ноября в результате острейших дискуссий в Госсовете вроде бы удалось согласовать идею союзного государства. Но ход дальнейших событий показал, что со стороны Ельцина это была лишь тактическая хитрость, уловка, чтобы выиграть время, дожидаясь итогов референдума на Украине и принять решение о роспуске Союза, которое открыло шлагбаум для шоковой терапии экономики России.

Так, крупнейшая в истории страны перемена геополитического характера наложилась на тотальную ломку экономического строя, ввергнув страну в беспрецедентный по глубине и продолжительности экономический и социальный кризис. Он продолжался 5-7 лет, и только после финансового краха 1998 года началось медленное и мучительное восстановление экономики.

Авторы и приверженцы шоковой терапии приложили немало усилий к тому, чтобы утвердить в общественном мнении мысль о ее правильности и необходимости для перехода от планово-административной экономики к рыночной и спасению страны от экономической катастрофы. Но факты говорят о другом.

Реальное состояние российской экономики к началу 1992 года, когда ее руководство приступило к реализации шоковых реформ в рамках Федерации, действительно было непростым. Усилились признаки вступления ее в полосу глубокого экономического кризиса, обусловленного неблагоприятным сочетанием внутренних и внешних причин, о которых речь шла выше.

Но, во-первых, усложнение экономической ситуации во многом было связано с действиями самих радикал-демократов в 1990-1991 годах: провоцированием сепаратистских действий, подрывом экономических функций союзного центра, поощрением забастовочного движения.

За опустошение прилавков и увеличение очередей в конце 1991 года не меньшую ответственность, чем союзное правительство, несет российская администрация во главе с Ельциным, который сделал заявление на всю страну о своем выборе в пользу «радикальных экономических реформ», предполагающих полную и одноразовую либерализацию цен и что это произойдет в середине декабря¹.

Во-вторых, экономические проблемы и трудности 1991 года были искусственно преувеличены и драматизированы инициаторами шоковой терапии с целью ее реабилитации. Возьмем данные официальной российской статистики (см. таблицу 2).

Они, конечно же, не безгрешны, но составителей таблицы нельзя заподозрить в приукрашивании картины экономики в 1991 году и нагнетании негатива в оценке последующего периода. Творцам шоковой терапии, находившимся при власти, было выгоднее, наоборот, сгустить мрачные краски вокруг 1991 года и смягчить негатив времени их правления.

Прежде всего они говорят о том, что снижение производства в 1991 году в Российской Федерации не идет ни в какое сравнение с тем, что происходило в последующем в годы шоковой терапии: темп его падения увеличился с 5 до 10-15% в год, и к концу 90-х годов ВВП упал более чем вдвое. Оно было в 1991 году в России меньшим, чем в других республиках и по Союзу в целом, в силу бóльшей самодостаточности многоотраслевой экономики России, ее меньшей зависимости от межреспубликанских связей.

¹ На встрече в Беловежской пуще «отпуск цен» по просьбе руководителей Украины и Белоруссии был отложен еще на две недели и перенесен на 2 января 1992 года. Об этом вице-премьер России Е.Гайдар сообщил в интервью Российскому телевидению, опубликованном в «Известиях» 10 декабря 1991 года.

Таблица 2.

**Индексы основных социально-экономических показателей
(в сопоставимых ценах; в процентах к предыдущему году)¹**

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998
Валовой внутренний продукт	95	85,5	91,3	87,3	95,9	96,6	100,9	95,1
Продукция промышленности	92	82	86	79	97	95	102	95
Продукция сельского хозяйства	95,5	90,6	95,6	88	92	94,5	100,5	86,8
Капитальные вложения	85	60	88	76	90	82	95	88
Грузооборот транспорта общего пользования	93	86	88	86	99	95	97	97
Среднемесячная заработная плата (с учетом индекса потребительских цен)	97	67	100,4	92	72	106	105	87

Падение произошло в 1991 году за счет промышленности и затронуло в основном группу «А», т.е. производство средств производства, а также добавим к этому - продукцию военного назначения. В 1991 году в сравнении с 1988 годом изготовление танков сокращено в 2,1 раза, боевых самолетов – в 1,8 раза, артиллерии – в 2,9 раза, боевых машин пехоты и бронетранспортеров – в 4,2 раза. Ассигнования на закупку вооружений в реальном исчислении за это время снижены на 29%². Что касается потребительских товаров, то оно в 1991 году оставалось на уровне 1990 года, а производство непродовольственных товаров даже возросло на 5%.

Не было чрезвычайным в 1991 году и положение в сельском хозяйстве. Продукция растениеводства оставалась на уровне предыдущего года и была значительно выше всех последующих 90-х годов. Валовой сбор зерна составил 89,1 млн.тонн – несколько ниже среднегодового сбора за предшествующие пять лет, но значительно выше, чем в последующие годы. Основные проблемы здесь возникли в животноводстве ввиду его большой зависимости от импорта фуражного зерна, который резко сократился.

¹ Российский статистический ежегодник. Госкомстат России. М., 2001 г., с.38.

² Из личного Послания Президента СССР Горбачева М.С. главам государств – участникам встречи «семерки» в Лондоне от 11 июля 1991 года.

Несмотря на все трудности, в 1991 году удалось не допустить серьезного снижения уровня жизни населения. Среднемесячная реальная заработная плата (с учетом индекса потребительских цен) упала на 3%, а среднедушевые денежные доходы в реальном выражении даже выросли на 16%¹. Конечно, это осложнило социально-политическую ситуацию, ибо настроения в обществе зависят не столько от абсолютного уровня благосостояния, сколько от его динамики и степени различий в уровне реальных доходов. Но это опять-таки не идет ни в какое сравнение с тем, что произошло в 1992 году, когда реальная заработная плата упала на треть, среднедушевые доходы – почти наполовину, а децильный коэффициент различий в доходах возрос с 4,5 до 8, а в 1994 году достиг 15².

Все это нельзя не учитывать, когда встает вопрос об оправданности шоковой терапии для решения экономических проблем, возникших в стране в конце 80-х – начале 90-х годов прошлого столетия.

Была ли необходимость идти на двукратное, по существу обвальное падение производства и уровня жизни людей, ввергнувшее Россию в беспрецедентно глубокий и продолжительный кризис, во имя преодоления трудностей и проблем, возникших в 1990-1991 годах по объективным и субъективным причинам? Не стала ли цена решения проблем во много раз большей, чем сама их суть? Была ли альтернатива шоковой терапии с ее тяжелейшими социально-экономическими последствиями? По нашему мнению, она сохранялась даже после августовского путча, хотя шансы на нее таяли с каждым днем. Их реализация требовала предотвращения развала единого экономического пространства, неуклонного, но постепенного (поэтапного) углубления рыночных реформ (свободного ценообразования, приватизации, создания рыночных институтов, выхода на мировой рынок и т.д.). Можно было найти решение и наиболее острой валютно-финансовой проблемы. Предложения и разработки на этот счет имелись у союзного руководства.

¹ Российский статистический ежегодник, 2005, с.77.

² Там же.

Российские власти предпочли другой, по существу авантюристический путь – крутого и одноразового разрушения существующей системы, не считаясь с возможными негативными последствиями – обвалом экономики, ее дезорганизацией на всем постсоветском пространстве и бедствиями населения.

Результат таков: в разрушении старого мира «до основания» преуспели, а «новый мир» принес людям только новые тяготы, испытания и проблемы.

Раздел II. Шоковая терапия в действии

1. Генезис шоковой терапии

Экономическая политика ельцинского руководства России как до, так и после августовского путча не имела сколько-нибудь ясной и четко сформулированной направленности и тем более программы, кроме задачи разрушения политических и социально-экономических структур Союза ССР. Сам Б.Ельцин довольно откровенно признавался: «Я не претендую на то, чтобы говорить о философии рыночной реформы... Сделать реформу необратимой – такую цель я ставил перед собой»¹. Шел лихорадочный поиск радикальных идей и людей, готовых их осуществить. Первое предложение было сделано Г.А.Явлинскому. Он работал в это время с Горбачевым над проектом экономического союза республик и не принял приглашения ельцинской администрации. Отпали и другие кандидатуры.

В середине октября Г.Э.Бурбулис² – ближайший сподвижник Ельцина – представил ему молодое дарование – Е.Т.Гайдара. До этого Гайдар работал в партийной печати – «Коммунисте» и «Правде» и привлекался к работе над экономическими текстами для Горбачева. Гайдар не был противником перестройки, но, видимо, ее неудачи и трудности, связанные с политическими факторами, подтолкнули его на поиск экстраординарных преобразований советской экономической системы. Став руководителем Института экономической политики, созданного в рамках Академии народного хозяйства, и возглавив группу радикально настроенных либералов-западников, он начал вынашивать вариант радикальных реформ для страны.

Трудно судить о деталях переговоров Ельцина и Бурбулиса с Гайдаром, но совершенно ясно, что было согласие по двум взаимосвязанным во-

¹ Б.Ельцин. Записки президента. М., с.235.

² Геннадий Бурбулис входил в ближайший круг конфидентов Б.Ельцина. Его политическую роль ярко обрисовал канадский журналист М.Рейз. Приводя выдержки из своих доверительных бесед с этим самым близким к Ельцину высокопоставленным российским чиновником, журналист пишет о нем как о том, кто тайно претворял в жизнь операцию по уничтожению империи. «Тем, кто не знает имени этого человека, открою тайну: Геннадий Эдуардович Бурбулис». Макс Рейз. Чужак в Кремле. Strager in the Kremlin. М., 1993 г., сс.150-152, 160, 271.

просам: роспуску Союза и коренной перемене экономической системы России, ее переходу к традиционному капитализму путем революции сверху – с помощью шоковой терапии, по выражению Гайдара, «предельно конфликтному, рискованному сценарию».

Обращение к шоковой терапии в какой-то мере можно объяснить внутренними факторами и особенностями ситуации в стране, связанными с неудачами экономических преобразований в стране в годы перестройки и, прежде всего, реформы 1987 года. По разным и главным образом политическим причинам не были осуществлены уже принятые по ней решения, не дали результата и начинания правительства Рыжкова-Абалкина, «500 дней» Шаталина–Явлинского, антикризисная программа Павлова-Щербакова.

После провала путча в рамках ельцинского курса на роспуск Союза открылась возможность самых радикальных преобразований экономики. Ею и не преминула воспользоваться российская власть, решив совершить капиталистическую революцию в экономике, одним ударом разрушить существующую систему, считавшуюся социалистической. Идея возможно более быстрого устранения социализма и лежит в основе шоковой терапии. Это признают ее авторы и исполнители – Е.Т.Гайдар, Е.Г.Ясин, В.А.Мау и другие.

Идейно-теоретическое обоснование шоковой терапии ее инициаторы нашли в крайне либеральном крыле западной экономической мысли, представленном Ф.Хайеком, Л.Мизесом, М.Фридманом. На нем основывался набор стандартных положений так называемого Вашингтонского консенсуса, сформулированного в рамках Международного Валютного Фонда и содержащего рекомендации для рыночной трансформации экономики и ее макроэкономической стабилизации.

Но, во-первых, либеральная модель экономики, основанная на «невидимой руке рынка» и отрицающая или сводящая к минимуму роль государства в ее регулировании, не отражает институциональную сложность современной экономики, которая диктует необходимость определенных

ограничений рыночных стимулов и институтов и использования методов государственного регулирования некоторых экономических и социальных процессов. Она более или менее удовлетворительно работает на восходящей стадии экономического цикла, но обнаруживает свою несостоятельность при наступлении кризиса, в поисках выхода из него и преодоления его последствий.

Отнюдь не случайно еще в 30-е годы под влиянием наиболее глубокого в истории капитализма экономического кризиса возникла кейнсианская школа экономической теории, обосновавшая необходимость макрорегулирующей роли государства. О ней почему-то «забыли» наши радикал-либералы 90-х годов.

Во-вторых, либеральная модель вряд ли годится для стран, переходящих от нерыночной экономики к рыночной. Это показал опыт реформ, проведенных в ряде стран на основе Вашингтонского консенсуса под эгидой МВФ. В странах Латинской Америки он дал весьма противоречивые результаты, породил серьезные потрясения в Мексике, Бразилии, Аргентине. Государства Дальнего Востока сотворили экономическое чудо в значительной степени вопреки рекомендациям МВФ, хотя и здесь не обошлось без финансовых обвалов. Линия на развитие рыночных отношений в Китае, добившемся впечатляющих результатов, разительно отличалась от рекомендаций МВФ. И для России нужно было не бездумное копирование Вашингтонского консенсуса и принципов радикального либерализма, а создание собственной концепции рыночных реформ, учитывающей как отечественный, так и мировой опыт, современные тенденции социально-экономического развития в условиях постиндустриальных перемен.

Опыт развитых стран, вступающих в постиндустриальную эпоху, показывает, что определенное сочетание рыночных, капиталистических отношений с внерыночными, социалистическими не только возможно, но и необходимо. Первые более эффективны в отраслях материального производства, вторые более адекватны сфере воспроизводства самого человека - образова-

нию, здравоохранению, охране окружающей среды, социальному обеспечению. Впрочем, то или иное сочетание рыночных и нерыночных отношений возможно и целесообразно практически в каждой из этих сфер. Искоренение социалистической компоненты общественного развития, отождествляемой с советским строем, стало определяющей целью авторов шоковой терапии. Эта идея пронизывает основные усилия администрации Ельцина и правительства России, начиная с конца октября 1991 года.

Вот как развивались события в те дни. 28 октября Ельцин выступил на Пятом съезде народных депутатов РСФСР с изложением программы неотложных мер, которые он намерен осуществить в ближайшее время. Она исходила из того, что в России одна власть – российская, и она может проводить жесткую линию на максимальную либерализацию экономики и, прежде всего, высвобождение цен.

4 ноября на заседании Государственного Совета Союза, проходившего под председательством М.С.Горбачева, отмечалось, что в результате объявленного Ельциным пакета мер возникла очень серьезная ситуация: беспрецедентный ажиотаж на потребительском рынке. В Москве обычно за день продается 1800 тонн хлеба, а сейчас 2800. Чуть ли ни мешками люди скупают крупы, макаронные изделия, сахар и другие товары. Производители и торговые организации «придерживают» товары на складах и базах, а то, что поступает в магазины, моментально сметается с полок. Телекамеры фиксируют длинные очереди и пустые прилавки, списывая все это на «горбачевскую перестройку». (Эти кадры некоторые СМИ продолжали использовать для дискредитации перестройки и в последующие годы – вплоть до сегодняшних дней).

В целях осуществления программы крутых мер 5 ноября Ельцин реорганизовал высший эшелон государственной власти России. Он принял на себя непосредственное руководство деятельностью правительства. Первым вице-премьером назначен Г.Э.Бурбулис, а вице-премьером, ответственным за весь экономический блок и одновременно министром экономики и финансов

– Е.Т.Гайдар, вице-премьером, министром труда и социальной политики – А.Н.Шохин, министром внешнеэкономических связей – П.О.Авен. С целью контроля за прекращением деятельности союзных экономических структур в них были направлены представители российского руководства (в Госплан СССР – А.А.Нечаев, в Минфин Союза – В.В.Барчук). С этого момента, по свидетельству Гайдара, союзный и российский бюджеты «стали консолидированными»¹.

По утверждению А.Н.Илларионова, у Гайдара и его команды в это время не было сколько-нибудь цельной программы экономической реформы, представленной обществу, обсужденной в какой-либо государственной и общественно-научной структуре и тем более опубликованной в печати, не считая общего заявления Ельцина на У съезде депутатов России². В институте Гайдара велись лишь отдельные разработки в русле западного мейнстрима и Вашингтонского консенсуса. И тем не менее на декабрь была намечена единовременная отмена твердых цен на подавляющую массу товаров, причем без какого-либо согласования с союзным руководством и другими республиками.

Нельзя не отметить и того, что в подготовке и реализации гайдаровских реформ самое активное участие приняли западные советники. В дальнейшем в качестве экспертов они наводнили президентский аппарат и финансово-экономические структуры российского правительства. Без согласования с МВФ не принималось сколько-нибудь важного решения по финансовым и институциональным преобразованиям.

По тактическим соображениям Ельцин еще продолжал участвовать в переговорах Горбачева с руководителями республик о новом Союзном Дого-

¹ Вначале на пост вице-преьера по экономике Ельциным был приглашен Г.А.Явлинский, который был в это время заместителем руководителя Межгосударственного экономического комитета. Вместе с Горбачевым он в это время занимался подготовкой экономического Союза советских республик и отказался от предложения российского руководителя. Гайдар же, возглавлявший тогда Институт экономической политики в Академии народного хозяйства, принял его и горячо взялся за дело.

² «Увы, никакого единого удобочитаемого текста, в котором бы на десяти, ста или даже пятистах страницах излагались бы концепция действий правительства (Гайдара), их обоснование и последовательность, количественные и качественные ориентиры, возможные альтернативы и ожидаемые развилки, не было», - пишет Илларионов в своей статье в журнале «Континент» (журнал «Континент», январь 2011 г.).

воре, но вопрос о коренной экономической реформе в России и связанным с ней роспуском Союза был для него решен. Тянул время лишь в ожидании результатов референдума о независимости Украины 30 ноября.

Во всяком случае версия о том, что в Беловежье руководители трех республик ехали «с пустыми руками» и лишь в ходе переговоров пришли к решению о роспуске Союза, тут же сочинив соответствующие документы, - совершенно неубедительна и ничего кроме недоумения не вызывает. На самом деле Ельцин прекрасно знал о намерениях своих собеседников так же, как и они хорошо знали о его решении освободиться от Союзного центра и начать шоковую терапию экономики. Они лишь попросили Ельцина перенести отмену твердых цен в России с середины декабря на начало января, что и было сделано.

2. Либерализация цен

Исходным пунктом и ключевым звеном радикал-либеральной программы явилась либерализация цен.

Со 2 января 1992 года цены были отпущены на подавляющую массу товаров. Фиксированные пределы повышения устанавливались только на отдельные виды розничных (хлеб, молоко, сахар, масло растительное, детское питание, медикаменты) и оптовых цен (электроэнергия, нефть, газ). «Для смягчения социальных последствий» сняты ограничения на рост зарплаты в производственной сфере, в 1,9 раза повышена зарплата в бюджетных организациях, военнослужащим, а также размеры пенсий.

Одновременно с начала 1992 года были резко сокращены государственные расходы: ассигнования на закупки вооружений – в 7,5 раз, централизованные капиталовложения – в 1,5 раза, ценовые дотации – почти в 3 раза¹.

По уверениям авторов «шоковой терапии», преодоление «денежного навеса» и сбалансированность рынка должны были быть достигнуты при 2-2,5-кратном повышении цен. Предполагалось дальнейший их рост сдержи-

¹ Экономика переходного периода, с.105.

вать с помощью жесткой денежно-финансовой политики: ограничения эмиссии, государственных расходов, регулирования банковских кредитов и т.д.

Но эти планы оказались построенными на песке. Уже в январе цены возросли в среднем в 3,5 раза, в марте общий уровень розничных цен на товары народного потребления, по данным Госкомстата Российской Федерации, был выше, чем в декабре 1991 года, в 6 раз, а в сравнении с мартом 1991 года - в 13 раз, цены и тарифы на платные услуги, предоставляемые населению, - в 5,5 раза.

Оптовые цены предприятий в марте 1992 года по сравнению с мартом 1991 года также выросли в 13 раз, а в отраслях металлургического и химико-лесного комплексов - еще больше. Закупочные цены на продукты сельского хозяйства по сравнению с первым кварталом 1991 года повысились в 5,2 раза, в том числе на скот и птицу - в 4,7, молоко и молочные продукты - в 6,9, яйцо - в 6,3 раза.

Рост цен не удалось остановить в течение ряда лет, и все это время обесценение рубля балансировало на грани гиперинфляции. Вот данные на этот счет.

Таблица 3.

Индексы цен
(в размах к предыдущему году)¹

	1992	1993	1994	1995	1995 к 1991	1996	1997	1998	1998 к 1991
Потребительские цены*	26,1	9,4	3,2	2,3	1806	1,2	1,1	1,8	4288
Цены предприятий-производителей на промышленную продукцию*	33,8	10,0	3,3	2,8	3123	1,3	1,1	1,2	5359
Цены реализации продукции сельхозорганизациям	9,4	8,1	3,0	3,3	754	1,4	1,1	1,4	1624
Цены в капитальном строительстве	16,1	11,6	5,3	2,7	2673	1,7	1,1	1,1	8478
Тарифы на грузовые перевозки	20,5	18,5	7,6	3,0	8647	1,4	1,0	1,2	14527

*Декабрь к декабрю предыдущего года.

¹ Российский статистический ежегодник. Госкомстат России, 2000, с.559.

Как видно из приведенных данных, стремительное повышение цен и тарифов происходило в течение 1992-1993 годов, а не нескольких месяцев, как обещали власти. Затем в 1994-1995 годах оно несколько замедлилось и лишь в 1996-1997 годах приобрело умеренный характер, а инфляция снизилась до уровня, при котором, по мнению инициаторов шоковой терапии, экономический рост должен возобновиться.

В принципе механизм свободного ценообразования способен на определенный момент обеспечить достижение рыночного равновесия на основе соотношения спроса и предложения. Но чтобы рыночное равновесие приобрело более или менее устойчивый характер, требуется нечто большее: обеспечение роста реальной экономики – наполнение рынка товарами и услугами.

На какой-то миг скачок цен действительно восстановил равновесие в экономике, дефицит товаров исчез, но при этом источники неустойчивости рынка не только не были устранены, но и стали еще более сильнодействующими, возникло нечто вроде спирали: повышение цен - падение реальных доходов населения – снижение производства – новое повышение цен – новое падение доходов и падение производства и т.д.

В 1992 году в сравнении с 1991 годом потребительские цены подскочили в 26,1 раза, а средняя денежная зарплата в народном хозяйстве - лишь в 10,9 раза, среднедушевые денежные доходы – в 8,5 раза, средний размер назначенных пенсий - в 8,6 раза. Реальные доходы населения за год упали, по официальным данным, почти вдвое, а затем в течение последующих лет при некоторых колебаниях оставались примерно на том же уровне. Но у большинства населения степень снижения реальных доходов была еще большей, чем это вытекает из среднестатистических показателей. Дело в том, что статистические показатели среднедушевых доходов населения рассчитывались в официальных данных по начисленной, а не по реально выплаченной заработной плате и пенсиям. Таким образом, они не отражают то огромное негатив-

ное влияние, которое массовые невыплаты зарплаты и пенсии оказывали на объем платежеспособного спроса и материальное положение трудящихся.

На темпах инфляции и ее масштабах не могло не сказаться и то обстоятельство, что либерализация цен началась при сохранении рублевой зоны в рамках СНГ, то есть в условиях неконтролируемых эмиссионных возможностей других республик, которыми те не преминули воспользоваться. По данным Е.Гайдара, эмиссия других республик за пять месяцев 1992 года составила 232 млрд. рублей, тогда как кредиты Центрального банка России своему правительству равнялись 90 млрд. рублей¹.

Разовая либерализация внутреннего рынка сочеталась с открытием его внешних границ. Здесь также было допущено немало скоропалительных шагов и импульсивных мер, нанесших немалый ущерб для российской экономики, обостривших ее кризис. Шлагбаум для экспорта российских товаров и импорта зарубежных был открыт еще в ноябре 1991 года указом Президента РФ «О либерализации внешнеэкономической деятельности», который предоставил право ведения экспортно-импортных операций всем хозяйствующим субъектам любых форм собственности.

Либерализация импорта аргументировалась интересами создания конкурентной среды на внутреннем рынке, а также компенсации спада отечественного производства. И в том, и в другом отношении мера была явно нарушена, что обернулось тяжелыми последствиями для страны. Произошло это прежде всего в силу того, что внутренний рынок был раскрыт при отсутствии элементарных условий таких, как система таможенных пошлин и таможенных служб. После распада СССР границы России оказались вообще неохраняемыми. Так, 85% сигарет и алкоголя, до половины бытовой электроники ввозилось, минуя таможенный контроль, фактической контрабандой².

¹ Е.Гайдар. Дни поражений и побед. М., Изд-во «Вагриус», 1997, сс. 165-166.

² Экономика переходного периода, с.832.

Но и в дальнейшем после того, как постепенно в России складывалась таможенная система, напор со стороны импорта не ослабевал, не говоря уж о том, что широко использовались различного рода обходные пути беспошлинного ввоза из-за рубежа и продажи на внутреннем рынке различной продукции. От уплаты таможенных сборов указами президента были освобождены Национальный фонд спорта, Всероссийские общества слепых и инвалидов, Российской фонд инвалидов войны в Афганистане. Крупным поставщиком сигарет и спиртного стало предприятие Московской патриархии «Софрино». Льготы щедро раздавались также Комиссией по вопросам международной гуманитарной и технической помощи. По оценкам специалистов, общая сумма таких льгот составляла 2-3 млрд. долларов в год.

В итоге беспорядочной либерализации внешнеэкономической деятельности импорт товаров из дополнительного средства сбалансирования внутреннего рынка превратился в основной источник формирования его товарных ресурсов. К 1995 году доля импортных товаров в розничной торговле возросла до 54% против 14% в 1991 году¹. Конкуренция со стороны иностранных товаров стала не стимулирующим, а удушающим фактором для отечественного производства продуктов сельского хозяйства, легкой и пищевой промышленности, машиностроения, в том числе бытовой техники.

За стабилизацию рынка посредством шокового высвобождения цен и открытия его для зарубежной конкуренции страна заплатила слишком высокую цену. Процесс стабилизации растянулся вместо нескольких месяцев на несколько лет. На каком-то этапе инфляцию удалось свести к приемлемому уровню. В 1996 году она составила 30-40% и в 1997 году – 10%, что вроде бы создавало условия для выхода из кризиса. Но оказалось, что дело не только в инфляции, но и в обострении ряда других проблем

¹ Российский статистический ежегодник, 2000 г., с. 460.

3. Приватизация собственности

В советское время господство госсобственности считалось важнейшей чертой и преимуществом социализма, но на практике основанная на нем система командной экономики превратилась в главную помеху социально-экономического прогресса. Понимание необходимости разгосударствления экономики, приватизации и трансформации госсобственности в более гибкую и эффективную систему присвоения средств и результатов производства в ходе перестройки постепенно пробило себе дорогу, но вокруг целей, способов и форм приватизации продолжалось острое столкновение мнений, отражавшее позиции основных политических сил, интересы различных социальных групп населения.

Цели радикально-либеральной гайдари-ельцинской экономической политики России определили и характер приватизации. В ней возобладали задачи демонтажа и дележа госсобственности, а главная проблема - повышение эффективности производства - отодвинута на задний план. Программа приватизации оказалась оторванной от реального состояния экономики, переживающей тяжелый кризис. Возникла неоправданная гонка в ее проведении. Казалось, вдохновители и авторы этой программы поставили цель как можно скорее разделить государственную собственность, чтобы куда-то не опоздать. Приватизации был задан принудительный темп, продиктованный не экономическими и даже социальными причинами, а факторами, лежащими в области политической борьбы¹. Вокруг этой проблемы был создан настоя-

¹ О примате политических целей массовой приватизации открыто пишут и говорят ее инициаторы. См. Экономика переходного периода, сс.33-34. Об этом откровенно пишет, например, руководитель администрации Ельцина Сергей Филатов: «... Главной задачей тогда было: настолько преобразовать старое, чтобы даже в случае прихода к власти коммунистов невозможно было что-то вернуть. Нужно было раздать землю, приватизировать квартиры, создать крупный капитал, банковскую систему. Тут мы торопились». И далее: «Олигархи это поняли, в Давосе они призвали Чубайса... и договорились, что если Борис Николаевич поддержит их в залоговых аукционах и других делах, то они помогут. Олигархи вошли во власть. Это настолько дискредитировало все то, что мы сделали, что до сегодняшнего дня, когда говорят «лихие 90-е годы», имеют в виду именно этот период, когда крупные предприятия были приватизированы, так скажем, не очень чисто». («Известия», 24 января 2011 года).

щий психоз. Акционированию подвергались без разбора и хорошо и плохо работающие предприятия.

В результате государственную собственность в стране удалось быстро - в течение полутора-двух лет - разрушить, но создать новые эффективные формы собственности и хозяйства, естественно, оказалось делом невозможным. Появился лишь новый титул собственности, а в финансовом положении предприятий, их организационных структурах и тем более в уровне эффективности и конкурентоспособности ничего практически не изменилось. Между тем, по имевшимся оценкам, преобладающая (до 70%) часть российских предприятий требовала серьезной реорганизации и санации, ибо была совершенно не приспособлена к рыночным условиям, отягощена устаревшей технологией, нерациональной структурой, штатными излишествами, большими долгами, задолженностью по зарплате, не говоря уж об отсутствии источников для инвестиций и выплаты дивидендов.

Радикал-либералы - горячие сторонники использования зарубежного и, прежде всего, западного опыта - на сей раз почему-то проявили к нему пренебрежительное отношение. Нигде в мире большая приватизация не проводилась таким галопирующим темпом и в таких массовых масштабах. К ней проявлялся осмотрительный, выборочный подход. Реорганизация неконкурентоспособных отраслей и производств в других странах проводилась совсем по иной, диаметрально противоположной схеме. Важные для страны базовые отрасли вначале национализировались. В них вливались большие финансовые ресурсы, за счет которых проводились санация и реорганизация. И лишь после этого они приватизировались. Так поступили в свое время, например, с металлургической промышленностью в Англии, и для этого потребовалось полтора-два десятка лет.

Вряд ли кто-то всерьез считал, что само по себе акционирование, как по мановению волшебной палочки, оживит дряхлеющее производство. Но тогда что это: осознанная попытка свалить тяжкий груз с плеч государства?

Но оно не могло, не имело права просто бросить на произвол судьбы целые отрасли и регионы, миллионы и десятки миллионов человеческих судеб.

Официальное обоснование приватизации во многом строилось на идее формирования в стране широкого слоя собственников и создания социально ориентированной рыночной экономики. Выдвигался и такой аргумент: надо вернуть народу то, что отобрано у него за 70 лет, восстановить социальную справедливость путем своего рода «экспроприации экспроприаторов», разделив накопленное более или менее равномерно среди граждан. Не последнюю роль играло, по-видимому, соображение и о том, что в условиях падения жизненного уровня населения это будет своего рода отдушиной для смягчения социальной напряженности. Отсюда - вариант бесплатной ваучерной приватизации, которая, по оценке Дж.Сороса, «привела к откровенному разграблению государственной собственности»¹.

С помощью ваучеров, раздачу которых провели в конце 1992 - начале 1993 года, предполагалось распределить среди 148 миллионов российских граждан государственную собственность на сумму около 1,5 трлн. рублей. Эта сумма была сопоставима со стоимостью домашнего имущества населения на конец 1992 года. Срок действия ваучеров был установлен до 31 декабря 1993 года, а затем продлен до 30 июня 1994 года. К этому времени ваучеры нужно было обменять на акции предприятий или чековых инвестиционных фондов.

Первоначальная номинальная стоимость одного ваучера была определена в 10 тысяч рублей, что соответствовало примерно стоимости легковой автомашины. Но рыночная цена ваучера стала быстро снижаться даже при высоком темпе инфляции. В первые месяцы 1993 года она упала до 4-5 тысяч рублей - стоимости батона приличной колбасы, к концу 1993 года поднялась до 20-25 тысяч рублей и лишь к завершению ваучерной приватизации в 3-3,5 раза превысила первоначальный номинал. Но за это время рубль успел обесцениться в 10-15 раз.

¹ Дж.Сорос. Открытое общество, с.313.

В ценах сентября 1992 года стоимость ваучера к середине 1993 года упала примерно до тысячи рублей и удерживалась на этом уровне до конца. В долларах США она упала к середине 1993 года с 30 до 5-10 долларов, к концу 1993 года поднялась до 15-25 долларов, что отразило более медленное снижение курса рубля, чем рост цен. Аукционный курс ваучера – средняя стоимость ваучера в тысячах рублей уставного капитала, приобретенного за один ваучер, составила 1,8 тыс. рублей при амплитуде колебания от 1,1 до 4 тыс. рублей¹.

Держателям ваучеров в силу инфляции, падения доверия к ним удалось реализовать не более одной шестой – одной пятой стоимости госимущества, предназначенной к ваучерной приватизации. Примерно четверть ваучеров была скуплена за бесценок «новыми русскими» у низко- и среднеоплачиваемых слоев населения, превращена ими в акции и использована для отмывания теневых и мафиозных капиталов. Приватизационные льготы для коллективов предприятий обернулись, в конечном счете, крупными пакетами акций у их руководителей. Известно, что они купили у своих работников до 20% акций. Часть ваучеров вложена в акции чековых инвестиционных фондов. Но ввиду низкой доходности акций эти фонды влачили жалкое существование, погрязли в финансовых махинациях, а многие просто лопнули.

По результатам опроса 4 тысяч человек, проведенного ВЦИОМ в ноябре 1993 года, к этому времени около 75% опрошенных или использовали свои ваучеры, или приняли решение по этому вопросу. Из них 22,6% предпочли продать их для получения наличных денег, 9,3% - подарить, 15,1% - вложить в акции своего предприятия, 8% - в акции других предприятий, 22,5% - в акции инвестиционных фондов².

В итоге ваучерная приватизация явилась чудовищной мистификацией возвращения народу государственной собственности. Подавляющая часть населения как была, так и осталась отчужденной от средств производства и

¹ Российская Федерация. Экономические обзоры МВФ, 1994, № 16, с.103.

² Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. АО «Аспект-пресс», ВЦИОМ – Интерчестр, 1994, № 1, сс.44-46.

обращения. Приватизированная с помощью ваучеров собственность оказалась в руках «новых русских», ловкачей и спекулянтов, администрации предприятий и госорганов всех уровней.

С середины 1994 года начался новый, так называемый коммерческий этап приватизации, предусматривающий конкурсную, аукционную продажу объектов государственной собственности, главным образом, в виде принадлежащих государству пакетов акций компаний. Но и на этом этапе главная цель приватизации - повышение эффективности функционирования приватизируемых объектов - оказалась оттесненной на второй план, на этот раз фискальными интересами, необходимостью латания дыр государственного бюджета. Для нарождающихся финансовых групп представилась благоприятная возможность урвать лакомые куски государственного пирога. На этой почве между ними вспыхнули острейшие схватки с использованием связей в высших эшелонах власти, средств массовой информации. Вместе с тем проявился и общий интерес финансовых олигархов в занижении стоимости приватизируемых объектов¹.

Характерной в этом смысле явилась кампания по проведению так называемых залоговых аукционов. Крупнейшие объекты госсобственности передавались вначале в доверительное управление олигархических групп под кредиты государству, а затем под предлогом отсутствия у государства возможности вернуть кредиты продавались им за бесценок. Таким путем в руки частных компаний и лиц перешли крупнейшие предприятия и объединения по добыче и переработке природных ресурсов, например, «Норильский никель».

Во многих случаях овладение контрольными пакетами акций компаний, особенно в топливно-энергетических и сырьевых отраслях, было про-

¹ В докладе Счетной палаты Российской Федерации отмечается, что с нарушением закона проводилась приватизация угольных шахт Кузбасса, «Усть-Илимского лесопромышленного комплекса», нефтяных компаний: «СИДАНКО», «ТНК», «ОНАКО» и «Восточной нефтяной компании», предприятия оборонно-промышленного комплекса НТК «Союз», Машиностроительного КБ «Гранит», Московского вертолетного завода имени М.Л.Миля, Иркутского авиационного производственного объединения, Нижегородского госпредприятия «Гидромаш», Московского машиностроительного завода «Знамя» и т.д. и т.д. См. Счетная палата Российской Федерации. Анализ процессов приватизации государственной собственности в Российской Федерации за период 1993-2003 годы. Москва, 2004 г.

диктовано не планами их новых владельцев развивать производство, а финансово-спекулятивными соображениями. Через некоторое время контрольные пакеты акций ряда компаний были перепроданы с большой прибылью.

Залоговые аукционы - заключительный аккорд в черном переделе собственности в стране.

Каковы же общие итоги приватизации?

К началу 1997 года в государственной собственности осталось 233 тыс. предприятий и организаций, т.е. 9,3%, в муниципальной - 7,3%, общественных объединений - 5,2%, а в частной и смешанной собственности, собственности иностранных юридических лиц, граждан и лиц без гражданства - 78,2% общего числа предприятий и организаций. Доля государственной собственности в основных фондах страны упала с 1991 по 1996 годы с 91 до 45%. В частном секторе, на предприятиях и в организациях смешанной формы собственности было сосредоточено в 1996 году две трети занятого населения, производилось 89,4% промышленной продукции, 48% объема подрядных строительных работ, 91% розничного товарооборота¹.

Революция в сфере собственности совершилась. Ее социальные результаты очевидны. Наиболее доходные сегменты бывшей госсобственности, особенно в отраслях, добывающих и перерабатывающих топливно-энергетические и сырьевые ресурсы, оказались в руках новоявленного номенклатурно-олигархического капитала.

Экономические последствия «большой» приватизации, ее воздействие на эффективность производства оказались в основном негативными. Не случайно годы массовой приватизации - 1992-1993 - совпали со временем наибольшего падения реальной экономики.

Иные, в целом положительные результаты с точки зрения эффективности экономики дала малая приватизация, сопровождавшаяся спонтанным возникновением мелкого и среднего предпринимательства. В наибольшей степени она коснулась торговли и сферы услуг. В течение 1992-1994 годов

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, сс.324, 293, 335, 470.

удельный вес негосударственной торговли в общем товарообороте возрос с 33 до 85%¹. Примерно такая же картина наблюдалась и в сфере услуг. Малое предпринимательство получило заметное развитие также в сельском хозяйстве и строительстве.

Всего на I октября 1997 года на территории Российской Федерации действовало 844,4 тыс. малых предприятий, из них почти половина в торговле, общественном питании и в общекommerческой деятельности по обеспечению функционирования рынка. На малых предприятиях работало 12% общей численности занятых, они дали почти 7% производства товаров и рыночных услуг. Доля убыточных предприятий в этой сфере была в 2-3 раза ниже, чем на крупных и средних предприятиях².

Безусловно, предпринимательский сектор, возникший в результате малой приватизации и спонтанных процессов, способствовал оживлению экономической деятельности, наполнению рынка товарами и поддержанию рыночного равновесия, снижению остроты проблемы занятости и доходов некоторых слоев населения.

Однако масштабы и удельный вес малого и среднего предпринимательства оставались явно недостаточными. Оно слабо затронуло сферу промышленности и строительства, через некоторое время пошло на убыль. Даже в аграрном секторе, где, казалось бы, имелись наиболее благоприятные условия для частного хозяйства и частной инициативы, фермерство вначале довольно быстро развивалось, а затем движение застопорилось.

Помимо общей кризисной ситуации в России это объясняется отсутствием эффективной государственной поддержки, произволом, притеснениями и поборами со стороны бюрократии и мафиозных структур, непосильным налоговым прессом, делающим законопослушную деятельность в этой сфере затруднительной или даже вовсе невозможной. Неудивительно, что в значи-

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, с.460.

² Социально-экономическое положение России, 1997, XII, сс.10, 11,13,15.

тельной своей части мелкий и средний бизнес был погружен в обширный массив теневой экономики.

4. Проблемы рыночной инфраструктуры

Эффективность разгосударствления экономики и создание сильнодействующих стимулов развития производства в огромной степени зависят от формирования рыночной инфраструктуры - системы институциональных образований, опосредующих движение товарных, денежных, финансовых, трудовых, информационных ресурсов и обеспечивающих саморегулирование рыночной экономики. И в этом направлении трансформационные процессы в России были крайне противоречивыми и болезненными. Основные надежды возлагались на «невидимую руку рынка».

Это прежде всего касается товаропроводящей (дистрибьютивной) сети. Централизованное материально-техническое снабжение, унаследованное от советского хозяйства, быстро распалось, в значительной степени было просто разрушено, а система оптовой торговли средствами производства не могла возникнуть в одночасье. Основные потоки продукции производственного назначения переместились в сферу прямых отношений между предприятиями. В 1996 году предприятиями-изготовителями продано продукции больше, чем организациями оптовой торговли, почти в 4 раза, в том числе на внешний рынок - почти в 10 раз¹.

В связи с этим возник своеобразный биржевой бум. В 1992 году насчитывалось около 400 бирж универсального, в основном, товарно-сырьевого профиля. Но в абсолютном большинстве это были не биржи в их собственном смысле, а посреднические торговые дома, где заключались оптовые сделки по купле-продаже разнообразных товаров. «Биржевая торговля» приобрела ярко выраженный спекулятивный характер и явилась одним из главных методов первоначального накопления капитала.

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, с.486.

В дальнейшем значение товарно-сырьевых бирж начало падать, а их число сокращаться. К концу 1993 года их было уже 159, в 1994 году - 137, а к концу 1997 года осталось всего 67. Число заключенных сделок уменьшилось в 7 раз¹. Это объясняется не столько становлением оптового рынка, сколько острым денежным дефицитом и вынужденным распространением бартера.

Функционирование рыночной экономики, ее денежное обслуживание, аккумуляция финансовых ресурсов и их перераспределение между сферами и отраслями народного хозяйства немислимо без банковской системы. Центробанк России был создан на основе Госбанка СССР как «банк банков», а сеть коммерческих банков возникла двояким образом. Крупные коммерческие банки появились в результате акционирования государственных кредитных учреждений (Промбанка, Стройбанка, Сельхозбанка). Основная же масса коммерческих банков родилась спонтанно, по инициативе частных предпринимателей. Число банков и других кредитных учреждений выросло к 1994 году до 2 тыс., а к 1996 году – до 2 тыс. 600. У них насчитывалось 5,5тыс. филиалов, не считая Сбербанка с его 40 тыс. отделений и филиалов².

Банковский бум отражал потребности нарождающейся рыночной экономики, но в обстановке обесценения рубля, неустойчивости его валютного курса, жестких денежных ограничений, дороговизны кредита он приобрел нездоровый, спекулятивный характер. «Прокручивание денег», связанное с обслуживанием бюджета, торгово-посреднических и валютно-финансовых операций, особенно с государственными долговыми бумагами, в течение ряда лет составляло наиболее характерное и прибыльное содержание банковского бизнеса. Он был оторван от реальной экономики, паразитировал на ее трудностях. Исключительно высокая прибыльность операций по «прокручиванию денег» послужила одним из главных факторов задержки платежей и роста задолженности в народном хозяйстве, в том числе по заработной плате.

¹ Российский статистический ежегодник, 2000, с.465.

² Там же, 2000, с.543.

Характерна и структура кредитов. На конец 1996 года из общей суммы кредитов в 202 трлн. рублей, предоставленных коммерческими банками экономике и населению, 97% составили краткосрочные и лишь 3% долгосрочные кредиты. Помимо этого 60 трлн. рублей составили кредиты другим банкам, 190 трлн. вложено в ценные бумаги, в том числе 128 трлн. - в государственные¹. Остается лишь добавить к этому, что «краткосрочные кредиты в экономику» были связаны не столько с производственными, сколько с торгово-финансовыми операциями хозяйственных субъектов.

Российская банковская система и через пять лет после начала радикальных перемен не отвечала критериям современной рыночной экономики, находилась, по существу, в зачаточном состоянии. Масштабы банковского капитала были явно недостаточны для экономики страны. Преобладали мелкие банки, неспособные к крупным вложениям в экономику, особенно инвестиционного характера. Об этом дают представление данные следующей таблицы.

Таблица 4.

**Группировка кредитных организаций
по размеру уставного капитала
(на 1 января 1997 года)²**

Уставной капитал (млрд.руб.)	Число кредитных организаций
Свыше 20	188
От 5 до 20	592
От 1 до 5	683
Менее 1	566

По существу лишь первая группа банков была способна к эффективным и перспективным действиям на рынке. Но даже и эти банки несопоставимы по своим возможностям с крупными зарубежными. К тому же они были сосредоточены главным образом в Москве. Низким оставалось и качество банковского обслуживания бизнеса и населения. Неудивительно, что по мере снижения темпов инфляции, стабилизации валютного курса рубля, ограниче-

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, с.543.

² Там же, 1997, с.544.

ния доступа коммерческих банков к бюджетным средствам банковская система России вступила в полосу серьезных трудностей. Стали накатываться волны банковских банкротств, набирала силу тенденция к слияниям банков, превращению мелких и средних кредитных учреждений в филиалы и отделения крупных банков. В 1996 году прекратили деятельность 317 банков, а в 1997 году - 351 банк. И, наконец, в августе 1998 года банковскую систему поразило сильнейшее потрясение, едва не кончившееся ее полным крахом.

Специфические черты получил в стране рынок ценных бумаг. Операции с ними в 1996 году проводились на 18 фондовых биржах и в 35 фондовых отделах бирж. Было заключено около 2 млн. сделок, а оборот по всем видам фондовых ценностей составил сумму, равную 44% ВВП. Однако подавляющая часть оборота на фондовом рынке приходилась на операции с государственными ценными бумагами (ГКО, казначейские облигации и облигации внутреннего валютного займа). Их доля в 1996 году составила 97%, а вместе с ценными бумагами субъектов федерации – более 99% оборота; доля облигаций акционерных обществ, предприятий и организаций - 0,14%, акций - 0,05%, векселей - 0,05%¹.

Своей аномально высокой доходностью ГКО совершенно подавляли операции с акциями и облигациями коммерческих структур. Фактически фондовый рынок был превращен в инструмент размещения государственных ценных бумаг, привлечения финансовых ресурсов на покрытие дефицита государственного бюджета. Он служил обогащению (за счет бюджета) покупателей и держателей государственных долговых обязательств, в основном банков, но этот доход вновь и вновь обращался на операции с госбумагами. Фондовый рынок не выполнял основную функцию, присущую ему в рыночной системе, - обслуживать потребности реальной экономики в мобилизации финансовых ресурсов и их перераспределении между сферами и отраслями народного хозяйства и регионами.

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, сс.291, 304, 426.

Весьма далеко от критериев современной экономики было развитие страхового дела, коммерческой информации и рекламы, аудиторских услуг, арбитража. Все они несли на себе печать особенностей российских реалий рыночной неразвитости и даже примитивности. Так, цивилизованные арбитражные методы разрешения хозяйственных споров в значительной степени подменялись закулисными сделками, силовыми разборками. Аудиторские услуги получили одностороннюю направленность на поиск способов уклонения от налогов или уменьшения налоговых обязательств.

В 1997 году в России функционировало более 1,9 тыс. страховых обществ и организаций. Они аккумулировали в виде взносов 36,6 трлн. неденоминированных рублей, что составило 1,4% ВВП (против 0,5% в 1992 году), из которых около 90% приходилось на долю негосударственных страховых институтов¹. Это, конечно, очень далеко отстояло от уровня страхового дела в развитых странах, где через систему страхования перераспределялось 10-15% ВВП. Весьма архаичным оставался и набор страховых услуг, в частности, среди них весьма малый удельный вес занимало страхование коммерческих рисков, имущества субъектов хозяйствования.

В области законодательного регулирования хозяйственных процессов главной проблемой оставалось применение и исполнение принятых законов, хотя и сама законодательная база сохраняла много серьезных пробелов. Пробуксовывали применение антимонопольного законодательства и деятельность антимонопольных институтов. Решения о несостоятельности стали применяться чаще, но в условиях массовой убыточности и неплатежеспособности предприятий это не меняло общей ситуации. Более того, распространилась практика использования процедуры банкротства для сокрытия хищений и разворовывания акционерной собственности.

¹ Российский статистический ежегодник, 2000, сс.514.

5. Криминализация экономики

Попытка осуществить революционный переход от командной экономики к рыночной привела к резкому усилению ее теневых характера и прямой криминализации. Это прямое следствие упования на самопроизвольное становление новых форм хозяйствования в процессе разрушения старых.

Конечно, теневая, нелегальная экономика была и в советское время. Она существует и в самых развитых странах. Ее масштабы оцениваются специалистами в 5-10% ВВП. Но она не играет в них определяющей системообразующей роли. Ситуация в России сложилась иначе. Криминально-теневой компонент экономики приобрел столь значительные масштабы, что в большой степени стал определять институциональную структуру экономики и представлять одну из главных угроз национальной безопасности.

Криминализация российской экономики включает в себя широкий круг процессов и явлений, относящихся ко всем основным сферам и функциям хозяйства, имеет массу оттенков и проявлений. С известной степенью условности в ней можно выделить два вида явлений¹.

Во-первых, это в основе своей противозаконное, преступное предпринимательство. Сюда относятся нарко-и порнобизнес, видеопиратство, подпольные операции с оружием, контрабанда, нелегальное изготовление и сбыт алкогольной продукции, браконьерство, а также финансовое мошенничество, рэкет, хищения и т.д. В 90-е годы доход преступного бизнеса достиг многих миллиардов долларов, а его оборот – десятков миллиардов. Огромные масштабы приобрел сбыт наркотиков. Выпуск пиратской видеопродукции составил 70-95% ее общего объема, а материальный ущерб владельцев авторских прав, по осторожным оценкам, - более 1 млрд.

Разнообразные формы приобрело мошенничество в финансовой сфере – хищения денежных средств с помощью фиктивных документов, аферы с деньгами вкладчиков и акционеров.

¹ См. «Теневые» параметры реформируемой экономики. «Российский экономический журнал», 1996, № 8, с. 14.

Колоссальную дань стали получать криминальные структуры от созданной ими системы вымогательства. Под их контролем в середине 90-х годов оказалось до 80% негосударственного сектора экономики, в том числе несколько сот банков, большая часть бирж, почти вся сеть мелкооптовой и розничной торговли¹.

Во-вторых, криминализация экономики захватила и открытую, в принципе нормальную деятельность хозяйствующих субъектов. Здесь она выразилась в нарушении, обходе тех или иных норм, правил и установлений, прежде всего – в уклонении от уплаты налогов. Потери бюджета от неуплаты налогов составили не менее 550 млн. долларов. Эта болезнь получила всеобщее распространение. Ее метастазы проникли во все сферы экономики, затронули все ткани, все субъекты хозяйствования – от малых предприятий до гигантских корпораций.

Уклонение от налогов во многом было порождено самой налоговой политикой государства. Непомерные ставки, многочисленность налоговых сборов сделали законопослушную экономическую деятельность затруднительной или даже невозможной, вынудили «уводить ее в тень», исключать из бухгалтерской документации. Налог на добавленную стоимость толкнул на путь сокрытия истинного объема реализованной продукции, поощрял бартер и черный нал. Почти 40%-ный налог на фонд заработной платы вынудил прибегать к оплате персонала из «черной кассы», минуя бухгалтерию. Налог на прибыль стимулировал искусственное завышение себестоимости продукции, списание на нее расходов, которые должны покрываться из прибыли.

Государству не удавалось собирать даже официально начисленные налоги. Причины этого - невыполнение самим государством своих бюджетных обязательств, взаимные неплатежи предприятий, либерализм при взимании налогов, широкая практика предоставления налоговых льгот и зачетов, не говоря уж о коррупции налоговых чиновников.

¹ См. «Теневые» параметры реформируемой экономики. «Российский экономический журнал», 1996, № 8, с. 21.

В сфере теневой или полутеневой экономики, по существу, находился и основной массив мелкого и среднего бизнеса. По некоторым оценкам, до 40% оборота потребительского рынка падало на незарегистрированные хозяйствующие субъекты. Велика их доля в оказании населению строительных, транспортных, бытовых и других услуг. В 1995 году усилиями «челноков» в Россию было ввезено товаров на сумму более 10 млрд. долларов, что составило почти четверть импорта из стран дальнего зарубежья. Объем челночной торговли рос и в дальнейшем, несмотря на ужесточение таможенных правил, поборы таможенников и работников правоохранительных органов.

Сложная паутина теневых, криминальных или полукриминальных отношений возникла и в связи с таким широкомасштабным процессом, как утечка капитала из страны. Арсенал методов передислокации капитала очень широк – от нелегального вывоза валюты и помещения ее в иностранные банки до махинаций с внешнеторговыми операциями, финансового жульничества и хищений. Деньги утекали из страны под видом авансирования импорта, который затем «срывается» или уменьшается. Не достигают России и средства, которыми иностранные фирмы и банки вознаграждают услуги, предоставляемые им российскими партнерами, крупные гонорары и т.д. Конечно, эти деньги за рубежом не лежат без движения. Они пускаются в оборот через банковские депозиты, вкладываются в ценные бумаги, а также в недвижимость, используются на престижно-показное, расточительное потребление «новых русских», уже ставшее на Западе «притчей во языцех».

Результатом и одновременно источником криминализации экономики стала коррупция государственного аппарата. Возвестив об уходе государства из экономики и приватизации, радикал-либеральная власть использовала государственные рычаги для колоссального обогащения части номенклатуры, новых бизнесменов и теневиков. Огромные капиталы сколочены за счет разбазаривания имевшихся на предприятиях ресурсов топлива, сырья, оборудования и другого имущества.

За органами управления от муниципального уровня до федерального правительства сохранен широкий спектр разрешительных функций – регистрация субъектов хозяйствования, выдача лицензий и квот на ту или иную экономическую деятельность, в том числе внешнеторговые, валютные операции, использование природных ресурсов, трубопроводов, каналов связи, банковское обслуживание бюджетов различных уровней, не говоря уж о распределении бюджетных ассигнований, дешевых кредитов, налоговых льгот и т.д. На этой почве выросла и приобрела характер несущей конструкции экономики система сращивания молодого агрессивного капитала, в том числе теневого и криминального, с различными звеньями государственного аппарата.

Симбиоз теневой экономики с госаппаратом, включая правоохранительные органы, частные охранные структуры, сложился и в сфере малого и среднего бизнеса. Фактически существует преysкурант цен на услуги государственных и муниципальных органов, правоохранительных структур на выдачу разрешительных документов, предоставление налоговых послаблений, на защиту от «диких» рэкетиров, вымогателей и конкурентов.

В лице органов и звеньев госаппарата хозяйственно-финансовые кланы обрели не только крышу для своей деятельности, но и мощные рычаги накопления капитала и обирания общества. В их числе – прокручивание бюджетных денег, операции с государственными бумагами, налоговые и таможенные льготы и амнистии, валютные операции. Со своей стороны, различные лоббистские группы в госорганах получили финансово-экономическую опору и источник неконтролируемых доходов. Более того, на определенном этапе представители теневого капитала начали прямой поход «во власть», рассматривая овладение ею как самый надежный путь «отмывания» капитала и его дальнейшего приумножения.

Как оценить общую степень криминализации российской экономики, меру погружения ее в теневую сферу? Экспертные оценки сводятся к тому, что через криминально-теневые структуры и каналы стало проходить не ме-

нее 40% ВВП¹. Они приобрели сильнейшее воздействие на всю экономическую действительность и, конечно же, на всю социально-политическую обстановку.

Как криминализация пронизала экономику, так и коррупция стала настоящей эпидемией госаппарата. Они питают друг друга, имеют одни и те же причины. И, самое опасное, - они набрали инерцию, глубоко укоренились в жизни. С ними стало свykаться общественное мнение.

6. Монетаризм на российской почве. Дефолт-98

Высвобождение цен в рамках шоковой терапии придало инфляции галопирующий характер, и тут же ее преодоление было объявлено сверхзадачей, исходя из того, что все остальное, в том числе развитие реальной экономики, будет обеспечено действием спонтанных рыночных сил. Победить инфляцию мыслилось, по существу, лишь с помощью арсенала монетаристских мер. Среди них – сжатие денежной массы, сокращение дефицита государственного бюджета, политика дорогого кредита, валютное регулирование.

Слов нет, все эти средства борьбы с инфляцией не могут быть поставлены под сомнение. Для сложившейся, нормально работающей рыночной экономики они, может быть, и достаточны. Но в экстремальных условиях кризиса в России, глубоких структурных и институциональных перемен чисто монетаристские меры борьбы с инфляцией не могли решить этой проблемы. Они должны быть сопряжены с активной ролью государства в перестройке реальной экономики, переводом ее на новый рыночный режим работы и антикризисными мерами. К сожалению, этого сделано не было, рецепты монетарной политики механически применены к совершенно уникальным реалиям, и это дало результаты, противоположные продекларированным.

¹ См. «Вопросы экономики», 1998, № 3, с. 38; «Российский экономический журнал», 1996, № 8, с. 14.

Основным компонентом монетаристской политики, проводившейся в 90-е годы в России, явилось сжатие денежной массы, ликвидация так называемого «денежного навеса» с помощью обвальной либерализации цен. В результате его население лишилось своих сбережений, а предприятия и организации - денежных средств на счетах в банках, а также вложенных в ценные бумаги. Этим был дан старт долговременному и болезненному процессу деноминтации экономики. В дальнейшем он развивался в форме жесткого ограничения эмиссии, приведшего к резкому отставанию роста денежной массы ($M2$) от увеличения стоимости ВВП в текущих ценах. (См. табл. 5).

Уже в 1992 году рост денежной массы оказался почти в 2,5 раза меньшим, чем увеличение номинальной величины ВВП в текущих ценах, в результате чего коэффициент монетизации (K) снизился с 53,6 до 22,6%. Этот процесс продолжался вплоть до 1995 года, когда коэффициент (K) упал до нижней точки в 10,1%. Лишь с 1996 года соотношение темпов роста ВВП и $M2$ поменялось в пользу денежной массы и началось постепенное повышение коэффициента монетизации.

Зависимость скорости оборота денег и, соответственно, коэффициента монетизации от темпов инфляции несомненна. Чем быстрее инфляция, тем сильнее стремление владельцев денег от них избавиться, обратиться в более устойчивую валюту, недвижимость и т.д. Ускорение же оборота денег сокращает относительную потребность в массе денег, необходимой для обращения. Однако одними общими зависимостями инфляции, денежной массы и оборота денег ситуацию в денежном обращении России в те годы объяснить нельзя. Снижение монетизации экономики в условиях инфляции неизбежно. Но в какой степени оно объективно обусловлено, а в какой - порождено неадекватностью экономической и финансовой политики, - ответ на этот вопрос может дать только более конкретный анализ. Ошибки субъективного характера не должны амнистироваться ссылками на некие общие зависимости. О том, что такие ошибки с далеко идущими последствиями действительно были допущены, свидетельствует реальная ситуация на рынке и, в осо-

бенности, в денежном обращении, крайне негативно отразившаяся на общем экономическом положении в стране.

Таблица 5.

Динамика степени монетизации российской экономики¹

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
ВВП в текущих ценах – трлн.руб. (с 1998 – млрд.руб.)	1,4	19	172	611	1630	2256	2675	2696,4	4545,5
рост к 1991 году (в разах)		14	123	437	1167	1614	1913	1926	3246,8
рост к предыдущему году (в разах)	2,2	14	9,0	3,6	2,7	1,4	1,2	1,0	1,7
Среднегодовая денежная масса (M2)* - трлн.руб. (с 1998 г. – млрд.руб.)	0,7	4,3	21,9	73,1	165,1	158,0	337,4	411,2	576,5
рост к 1991 году (в разах)		6,1	31,3	104,4	235,9	368,6	482,0	587,4	823,6
рост к предыдущему году (в разах)		6,1	5,1	3,3	2,3	1,6	1,3	1,2	1,4
Коэффициент монетизации (K=ВВП:M2)	53,6	22,6	12,8	12,0	10,1	11,4	12,6	15,2	12,7

* Рассчитана как полусумма ее величины на начало и конец соответствующего года.

Именно в результате шоковой терапии «денежный навес» в хозяйстве в 1992 году быстро сменился острым недостатком денег, избыточный спрос - спросовыми ограничениями, что явилось главным фактором обвального падения объемов производства и дало толчок развитию таких болезненных явлений, как рост задолженности в народном хозяйстве, бартеризация рынка, долларизация денежного обращения и распространение различного рода денежных субститутов. Задолженность только предприятий и организаций промышленности, сельского хозяйства, строительства и транспорта с конца

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, сс.304, 541; 2000, сс.14, 509.

1993 по конец 1997 года выросла с 33,9 до 54,2% ВВП, а удельный вес просроченной задолженности в ее общей сумме повысился с 10,2% до 54,4%¹.

Денежная масса стала перемещаться из реальной экономики в сферу торговли и финансов, где оборот денег совершается быстрее и приносит большую выгоду. Реальная же экономика стала приспосабливаться к безденежным формам экономического оборота. На первый план вышел бартер. Он и раньше практиковался, но по диаметрально противоположной причине – перенасыщения экономики деньгами и заинтересованности продавца в получении дефицитной продукции. Теперь же бартер стал вынужденным в основном из-за денежного дефицита. Доля бартера в продажах промышленных предприятий выросла с 6% в 1992 году до 41% в 1997 году. В продаже продукции энергетики она составила 46%, в металлургии – 56%, химии и нефтехимии – 52%, строительных материалов - 59%².

Постепенно бартер начал приобретать системный характер. Нарастали масштабы использования продукции, полученной по бартеру, для перепродажи, вторичных бартерных операций. Образовывалась сеть бартерных обязательств, системы компьютерного слежения за их цепочкой и т.д. Так, радикал-либеральные методы насаждения рынка привели к прямо противоположному результату - возврату к прямому примитивному обмену продукцией с крайне отрицательными последствиями: затруднениями в сбыте, множественностью цен на одну и ту же продукцию, уклонением от налогов, хищениями и т.д.

Растущие масштабы приобрело использование в коммерческом обороте различного рода денежных суррогатов - векселей и других долговых обязательств корпораций и госорганов, налоговых освобождений, взаимозачетов и т.д. Это еще более усложнило и запутало расчеты, усугубило множественность цен на продукцию, расширило сферу теневых операций. Расчеты «живыми» деньгами с потребителями внутри России даже у естественных моно-

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, с.535. Социально-экономическое положение России, 1997, XII, с.232.

² «Вопросы экономики», 1998, № 2, сс.51-52.

полистов, обладающих мощными рычагами воздействия на потребителей, составили: у «Газпрома» - 12%, у РАО «ЕЭС России» - 13%, у МПС по грузовым перевозкам -31,2%¹.

Недостаток рублевой массы в обороте в сочетании с обесценением рубля стимулировал быструю долларизацию экономики. Долларовая масса, образовавшаяся в стране, оказалась сопоставимой с рублевой. В выполнении такой важной функции денег, как средства сбережения, доллар на целый порядок опередил рубль. Так, в 1997 году на покупку валюты (в основном долларов) население затратило 21,6% своих доходов, а на увеличение рублевых банковских вкладов и приобретение ценных бумаг - лишь 2,3%². Широко, хотя и в меньших масштабах, доллар стал использоваться и как платежное средство во внутреннем обороте, прежде всего тенево, несмотря на официальные запреты.

Так политика ограничения денежной массы превысила разумную меру, привела к тому, что рыночные отношения стали приобретать уродливые формы, пагубно влияющие на состояние реальной экономики.

С 1996 года в регулирование денежного обращения вносятся некоторые перемены. Рост массы денег (M2) стал опережать увеличение ВВП в текущих ценах. Коэффициент монетизации начал, хотя неуверенно, повышаться (см. табл.5). Но эти коррективы оказались слишком осторожными, недостаточными и не изменили отмеченные выше негативные тенденции.

С линией на жесткое ограничение денежной массы связана и политика дорогих денег. Ставка рефинансирования Центрального банка устанавливалась все эти годы, за исключением 1993 года, на беспрецедентно высоком уровне, значительно опережающем процесс обесценения рубля и намного превышающем уровень рентабельности даже в немногих доходных отраслях реальной экономики. Брать деньги в кредит имело смысл либо в случае предоставления крупных льгот, либо для прокручивания коротких денег в фи-

¹ «Вопросы экономики», 1998, № 7, с. 17.

² Социально-экономическое положение России, 1997, XII, с. 280.

нансовой сфере, посреднической торговле, во внешнеторговых и валютных операциях.

Объем кредитных вложений в экономику сократился многократно. Его отношение к ВВП упало с 1991 по 1996 год с 31% до 10% , при том что и ВВП снизился почти наполовину. Особенно резко, можно сказать, катастрофически (до 3-4% общего объема кредитных вложений), упал объем долгосрочных (более чем на год) кредитов. Реальная экономика оказалась фактически лишенной кредитных источников. Развернулся массовый отток денежных ресурсов из производственной сферы в финансовую, обостряя проблему неплатежей, увеличивая долг предприятий и организаций друг другу, бюджету и небюджетным фондам, задолженность по зарплате.

Подавлению инфляции была подчинена и вся налогово-бюджетная политика, сверхзадачей которой стало уменьшение дефицита государственного бюджета. В этой области, пожалуй, наиболее отчетливо обнаружилась односторонность монетаристской концепции, ее оторванность от нужд реальной экономики, и именно здесь эта политика, в конце концов, зашла в тупик.

Конечно, бездефицитный бюджет лучше дефицитного, а дефицит, если он неизбежен, надо сокращать ради уменьшения эмиссии и укрепления денежного обращения. Но все дело в том, какими методами это достигается, как они отражаются на реальной экономике, источниках и стимулах ее развития. С этой точки зрения бюджетная политика тех лет заслуживает самой критической, негативной оценки.

Резко сокращены бюджетные ассигнования на народное хозяйство и, прежде всего, на инвестиционные цели. При общем падении объема инвестиций примерно в четыре раза доля государства в них снизилась с 80-90% в предкризисные годы - до 27%¹. Удельный вес социальных расходов в бюджете и ВВП сохранился примерно на том же уровне, но падение реального объема того и другого вдвое поставило социальную сферу в исключительно трудные условия.

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, сс.61, 407.

Одновременно налоговая нагрузка на сужающуюся экономику непомерно возросла. По некоторым данным, в виде многочисленных, изолированных налогов и сборов в бюджет, отчислений во внебюджетные фонды у предприятий изымалось от 60 до 90% прибыли. Если прибавить к этому поборы со стороны чиновников разного уровня, охранно-мафиозных структур, предстанет безрадостная и бесперспективная картина условий для российского бизнеса. Более или менее сносные возможности для него сохранялись в отраслях естественных монополий, у предприятий, работающих на внешний рынок.

Политика, ставящая своей целью любыми путями сократить дефицит госбюджета и пренебрегающая нуждами реальной экономики, затянула ее в некий порочный круг: жесткое сокращение бюджетных расходов на экономические и социальные цели, налоговый прессинг подавляют и снижают экономическую активность, что сужает базу для налоговых и других доходов, усиливает бюджетную напряженность, увеличивает бюджетный дефицит, а это вновь толкает на путь ужесточения фискальных мер.

Бесперспективность такой политики очевидна. Она проявилась и на практике, в частности в систематическом невыполнении годовых бюджетов как по доходам, так и по расходам. Так, в 1996 году доходная часть бюджета была выполнена на 81,2%, в том числе по налогу на прибыль на 58,6%. Расходы бюджета составили лишь 81,7% утвержденных, в том числе на промышленность, энергетику и строительство - 52,9, сельское хозяйство и рыболовство - 58,6, социально-культурные мероприятия - 64,9%¹.

С ужесточением бюджетной и кредитно-денежной политики связано одно из самых болезненных кризисных явлений российской экономики – проблема задолженности. Паутина задолженности прочно спеленала народное хозяйство. Предприятия оказались в долгу друг у друга, у банков, у бюджета, бюджет и бюджетная сфера - в долгу у промышленности (энергетики, ВПК), сельского хозяйства, коммунальных и других предприятий, у внутрен-

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, с.523.

них и внешних кредиторов. Экономика страны превратилась поистине в долговую.

Вот данные за 1996 год, более или менее полно представленные в официальной статистике. Просроченная задолженность предприятий и организаций основных отраслей экономики к концу года достигла 538 трлн. неденоминированных рублей (23,4% ВВП). Из этой суммы примерно половина приходилась на задолженность поставщикам, а 22,2% (около 120 трлн.) - бюджетам всех уровней, в том числе по налогам за год - 63,8 трлн. В то же время недофинансирование из бюджета за тот же год составило 79,6 трлн., в том числе по промышленности, энергетике, строительству, сельскому хозяйству и рыбоводству - 29,3 трлн., по ассигнованиям на оборону - 16,3 трлн., по социально-культурным мероприятиям - 14,9 трлн. рублей¹.

Общие результаты бюджетно-финансовой политики в 90-е годы плачевны: именно она в условиях продолжающегося экономического кризиса привела к финансовому краху августа 1998 года. Несмотря на прокламированную жесткость этой политики, дефицит консолидированного бюджета с 1992 по 1994 год вырос с 11,7% до 28,4%, т.е. с 3,4% до 10,7% ВВП. Он покрывался в основном за счет беспроцентных кредитов Центрального банка, по существу, чисто эмиссионного характера, и частично - за счет внешних заимствований. В 1995 году дефицит бюджета сократился, но затем вновь стал возрастать. Одновременно был изменен основной источник покрытия дефицита. Место кредитов Центробанка заняло размещение государственных долговых обязательств – главным образом краткосрочных облигаций (ГКО), а также облигаций федерального займа (ОФЗ).

В принципе такой шаг был бы экономически оправданным, если бы означал финансовый маневр, направленный на оздоровление реальной экономики. Однако он носил чисто фискальный характер и приобрел такие формы и масштабы, которые оказали негативное воздействие на экономику, а через три года привели к острейшему кризису, поставившему страну на грань финансовой катастрофы. Чтобы обеспечить спрос на государственные ценные бумаги с учетом ставки рефинансирования Центробанка, доходность ГКО

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, сс.523, 535.

была установлена на непомерно высоком уровне. Это еще более оттянуло денежные ресурсы из реальной экономики в финансовую сферу, сделало бессмысленными вложения в экономику, поощрило стремление при малейшей возможности использовать деньги для приобретения ГКО. Огромные средства в ГКО стал вкладывать Центральный банк. На эти же цели стали использоваться средства страховых, пенсионных и других фондов, а через Сбербанк и другие коммерческие банки - и денежные сбережения населения. Государственные долговые обязательства оживили рынок ценных бумаг, но одновременно и задавили его другие сегменты.

Высокая доходность ГКО породила быстрый рост расходов бюджета на обслуживание госдолга, что, в свою очередь, толкнуло на путь все большего расширения выпуска и размещения ГКО. Так образовалась пирамида государственных ценных бумаг. Осуждая и даже преследуя авторов пресловутых финансовых пирамид, государство само встало на этот авантюристический путь. С начала 1996 года рынок ГКО был открыт для нерезидентов, за этот счет их размещение резко выросло, и в течение короткого срока зарубежные банки и корпорации оказались держателями значительной части этих российских долговых обязательств.

О быстром нарастании пирамиды государственных ценных бумаг и падении ее эффективности можно судить по следующим данным.

Таблица 6.

**Основные показатели первичного рынка ГКО и ОФЗ
(трлн. неденоминированных рублей)¹**

	1993	1994	1995	1996	1997
Объем выпуска (эмиссия)	0,2	20,5	171,0	479,5	605,5
Объем размещения	0,2	17,5	140,0	399,7	449,2
Выручка от продажи	0,2	12,9	106,2	297,3	386,5
Привлечение средств в бюджет	0,2	5,7	11,0	15,3	6,9
То же в %% к выручке	100	41	10	5	2
Государственный внутренний долг по ГКО и ОФЗ (на конец года)	0,2	10,6	76,6	237,1	380

¹ Российский статистический ежегодник, 1997, с.524. Социально-экономическое положение России, 1997, XII, сс.258-260.

Из таблицы видно, как стремительно нарастал объем эмиссии ГКО и ОФЗ. Несколько медленнее, но также быстро росли объем размещения и выручка от продажи ГКО и ОФЗ. Но в то же время падала их бюджетная эффективность, которую становилось все труднее поддерживать наращиванием выпуска и продажи долговых обязательств. Быстро рос внутренний долг.

Постепенно наступил момент, когда дальнейшее увеличение объема размещения ГКО стало наталкиваться на ограниченность спроса, диктуемого размером наличных денежных ресурсов в экономике. Коммерческие банки и другие организации стали различными способами принуждаться к вложению денег в ГКО. Бюджетная эффективность рынка ГКО-ОФЗ, т.е. отношение бюджетных поступлений от продажи ценных бумаг с расходами бюджета по их обслуживанию, стала быстро приближаться к нулю и даже временами приобретать отрицательное значение. Неотвратимость развала пирамиды ГКО стала очевидной в конце 1997 года. Бюджет не только перестал получать средства от ГКО, но, напротив, стал терять миллиарды на их поддержание. Пришлось начать свертывание их эмиссии.

Развязка наступила в августе 1998 года, когда государственная финансовая пирамида рухнула под своей тяжестью.

Крах наступил в финансовой сфере, но потряс до основания всю экономику. Правительство практически признало финансовую несостоятельность страны. Было объявлено о прекращении в явочном, одностороннем порядке выплат по займам и государственным долговым бумагам. Последние предлагалось конвертировать в новые гособлигации с отсрочкой погашения и выплат процентов. Вводился трехмесячный мораторий на выплату обязательств российских субъектов хозяйствования перед зарубежными кредиторами, ограничивались валютные операции, был раздвинут валютный коридор.

Все эти решения принимались внезапно, в нездоровой, лихорадочной обстановке и, что касается международных аспектов, - без каких-либо предварительных переговоров с зарубежными партнерами. Стоит напомнить, что

за день или два до дефолта президентом Ельциным были даны заверения в том, что никакой девальвации рубля не будет!

Сами решения, по существу, оказались неадекватными. Так, новый верхний предел валютного коридора был сразу же опрокинут, а к концу 1998 года курс рубля снизился более чем в четыре раза, что вызвало сильную вспышку инфляции – потребительские цены выросли за это время вдвое. Произошел резкий спад производства. Реальные доходы населения вновь снизились на 25-30 процентов.

Огромной силы удар пришелся по еще слабой, неоперившейся банковской системе. Крупнейшие коммерческие банки, считавшиеся системообразующими (Инкомбанк, Менатеп, Онэксимбанк и другие) оказались банкротами. Выжили лишь те немногие крупные банки, которые каким-то образом сумели заранее избавиться от ГКО, а также средние и мелкие банки, вообще не имевшие дело с ними.

За острейшим финансово-экономическим кризисом последовал и политический. Правительство Кириенко было отправлено в отставку. Спасать почти безнадежное положение взялось правительство Примакова с принципиальной иной экономической политикой, получившей более широкую поддержку в политических кругах страны и среди населения. Радикал-либеральный курс, а вместе с ним и ельцинский режим доживали последние месяцы.

Страна завершала свой драматический XX век в обстановке глубокого экономического кризиса и общественно-политической неопределенности...

Раздел III. Экономические, социально-политические последствия шоковой терапии

1. Катастрофическое падение производства и деградация народного хозяйства

Шоковая терапия была применена для лечения экономики страны, когда она действительно была больной. Но это лечение вызвало последствия, многократно превосходящие те, ради устранения которых она была применена. «Лечение» экономики поставило ее на грань полного распада и вызвало беспрецедентное снижение уровня жизни населения. Тем самым режим Ельцина обнаружил в экономической политике свою полную несостоятельность.

По глубине падения производства, продолжительности и другим параметрам кризис намного превзошел так называемую великую депрессию 1929-1933 годов в главных странах Запада, Тогда промышленное производство сократилось примерно на 40%, в России же оно упало более чем вдвое. Великая депрессия продолжалась четыре с половиной года, в России острая фаза кризиса затянулась почти на десять лет.

О масштабах и глубине экономического кризиса в России можно составить представление по данным таблицы № 6.

Таблица 6

Индексы основных социально-экономических показателей России за 1991-1998 годы (в процентах к предыдущему году)¹

Показатели	Г о д ы								
	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1998 к 1990
Валовой внутренний продукт	95	86	91	87	96	94	101	95	59
Продукция промышленности	92	82	86	79	97	95	102	95	50
Продукция сельского хозяйства	95	91	96	88	92	93	101	87	57
Грузооборот транспорта	93	86	88	86	99	95	97	97	57
Инвестиции в основной капитал	85	60	88	76	90	82	95	88	25
Внешнеторговый оборот (без стран СНГ)	62	83	97	117	122	106	105	83	102
Среднедушевые денежные доходы*	116	53	116	112	84	100	106	84	50
Розничный товарооборот	97	97	102	100	93	96	104	97	84
Платные услуги населению	83	82	70	62	82	93	106	99	24

* С учетом индекса цен.

¹ Российский статистический ежегодник, 2000. Госкомстат России, М., 2000, сс. 14, 141.

Как видно из таблицы, в течение 1991-1998 годов произошло по существу обвальное ухудшение всех основных социально-экономических показателей. Фактически оно в ряде случаев было даже большим, чем это видно по приведенным в таблице официальным данным. Так, картина падения валового внутреннего продукта скрашивается за счет включения в него посреднических, в особенности финансовых услуг, удельный вес которых в ВВП за эти годы возрос. Значительно преуменьшены данные о падении среднедушевых доходов в связи с тем, что они не учитывают задолженности по выплате зарплат и пенсий.

В результате такого падения производства страна была отброшена на 10-15 лет назад и оказалась на грани социально-экономической катастрофы. По всем основным показателям превзойдены критические пределы национальной безопасности, серьезно подорваны основы для экономического возрождения страны в будущем. И дело тут даже не только и не столько в объемах производства, но в качественной деградации экономики, прежде всего, структурно-технологической.

Россия унаследовала немалые структурные проблемы от советской экономики с ее акцентом на тяжелую промышленность, особенно добывающую, первичную переработку ресурсов и отставанием отраслей, выпускающих конечную продукцию, неразвитость потребительского сектора и сферы услуг, тяжелое бремя милитаризации экономики. По добыче каменного угля, нефти, газа, железной руды и других минеральных ресурсов, заготовке древесины, по выплавке стали, многих цветных металлов, производству цемента, минеральных удобрений и других промежуточных продуктов СССР опережал все другие страны, включая США. Конечной же продукции, за исключением оборонной техники, традиционных видов сельскохозяйственных машин и металлообрабатывающего оборудования, он производил в несколько раз меньше, чем США, не говоря уж о качестве изделий.

Что же произошло в 90-е годы? В каком-то смысле положительно, с точки зрения структурных перемен, можно говорить лишь о сокращении масштабов военного производства, избавлении страны от непосильных военных расходов. Но и это было сделано не лучшим образом - разовым, обвальным – более чем в 7 раз - уменьшением в 1992 году государственных закупок военной техники. Тем самым был нанесен огромный ущерб научно-техническому потенциалу страны, сосредоточенному в ВПК.

Во всем остальном структурные перемены в ходе российских реформ приобрели сугубо негативный характер. Было бы понятным и в какой-то мере оправданным, если бы в результате кризиса сократились отрасли ненужные, неэффективные. Но произошло прямо противоположное – наибольший урон потерпели отрасли, наиболее важные для развития страны и жизнеобеспечения населения. Самый сильный удар пришелся по обрабатывающей промышленности, в первую очередь высокотехнологичным производствам – приборостроению, электронике и микроэлектронике. Производство вычислительной техники, бытовой электроники в 80-х годах только-только начало вставать на ноги, но тут же пало под ударами кризиса, а рынок оказался заполненным иностранной продукцией. Объем продукции машиностроения составил не более 25-30% докризисного уровня.

Тяжелейшая ситуация возникла в легкой промышленности, а также в сфере услуг для населения, хотя, казалось бы, свобода рыночных отношений в первую очередь для них создает более благоприятные условия. Текстильная, обувная промышленность фактически остановились. Удельный вес услуг в ВВП даже возрос, но это произошло вследствие общего падения ВВП, а также за счет торгово-посреднической, финансовой деятельности, а объем реальных услуг, оказываемых населению, снизился в 4 раза.

Что касается добывающей промышленности, а также первичной переработки минерального сырья и топлива, то здесь наблюдалась иная, более благополучная картина: производство сократилось в значительно меньшей степени. Так, в 1996 г. физический объем продукции добывающей промыш-

ленности составил примерно 70% от уровня 1990 г., в том числе в добыче нефти - 75%, ее переработке - 69%, в добыче газа - 85%, в выплавке черных – 62% и цветных металлов – 58%. Обрабатывающая же промышленность работала лишь на 48% докризисного уровня.

Сильнейший удар кризис нанес сельскому хозяйству, с которым, так или иначе, была связана жизнь и деятельность примерно 40 миллионов сельских жителей и которое составляет продовольственную базу страны. Продукция сельского хозяйства сократилась более чем на 40%, посевные площади - на четверть. Утрачено более 40% поголовья крупного рогатого скота, в том числе 30% коров, 55% свиней, 70% овец и коз. Снизились урожайность сельхозкультур и продуктивность животноводства. Среднегодовой валовой сбор зерна с 104,3 миллиона тонн в 1986-1990 годах упал до 88 млн. тонн в 1991-1995 годах и до 65 миллионов тонн в 1996-2000 годах, производство мяса снизилось вдвое, молока - на 40%, яиц - на треть, шерсти – в пять раз.

Все это - прямой результат неконтролируемой либерализации цен и внешней торговли, прекращения государственной поддержки сельхозпроизводителей. К 1995 г. цены на сельхозпродукцию возросли в 770 раз по сравнению с 1991 г., а на промышленную продукцию и. услуги для села - в 2300 раз, в том числе на электроэнергию - в 5400, горюче-смазочные материалы - в 5200 раз.

С 1991 по 1996 гг. приобретение сельхозпроизводителями тракторов сократилось в 15 раз, грузовых автомобилей - в 22 раза, комбайнов зерновых - в 9 раз. Минеральных удобрений закуплено в 6,4 раза меньше, бензина и дизельного топлива - более чем в 3 раза. Фактически приостановилось производственное строительство на селе. Произошла прямая деградация материально-технической базы сельского хозяйства и земли.

Большая часть сельхозпредприятий оказалась убыточной, ведение фермерских товарных хозяйств стало разорительным. На внутренний российский рынок, открытый для внешней конкуренции, хлынул поток зарубежной продовольственной продукции, дотируемой своими правительствами.

В результате всего этого структурные перекосы в народном хозяйстве России в пользу тяжелой, прежде всего добывающей, промышленности еще более усилились. В стагнирующей, полуразвалившейся экономике, открытой для мирового рынка, конкурентоспособными оказались лишь отрасли по добыче и первичной переработке топлива и сырья, да и это было обусловлено непомерно низкой в сравнении с мировыми стандартами заработной платой (хотя она здесь значительно выше среднероссийского уровня). По своей структуре экономика страны приблизилась к полуколониальной, являющейся топливно-сырьевым придатком развитых стран.

Наибольшую опасность для будущего страны создал начавшийся распад ее производственного и научно-технического потенциала. Он сделал проблематичным и труднодостижимым восстановление экономики страны в будущем.

Был полностью нарушен процесс воспроизводства основных фондов. Капиталовложения в них сократились за 1992-1998 годы в четыре раза, не обеспечивая даже простого воспроизводства и сохранения производственного аппарата. Степень его износа в промышленности возросла с 43 до 53%. Удельный вес оборудования в возрасте свыше 10 лет поднялся с 42,3% в 1991 до 75,8% в 1998 году, а средний возраст - с 10,8 до 16 лет¹.

Фактически прекратилось обновление физически и морально устаревшей техники. Приостановилось изготовление металлообрабатывающего оборудования, станков с программным управлением, роботов, обрабатывающих центров. Выпуск грузовых автомобилей сократился в 5 раз, строительно-дорожной техники - в 5-10, а сельхозмашин - в 10-20 и более раз. На железнодорожном транспорте продолжалась эксплуатация более 20 тыс. километров главного пути (17% его общей протяженности) с дефектными или выработавшими свой ресурс рельсами.

В нефтедобывающей промышленности, казалось бы благополучной, ежегодно заменялось 1,5-2% промысловых нефтепроводов при норме не ме-

¹ Российский статистический ежегодник. Госкомстат России, 2000 г., сс.315, 316, 546.

нее 5%. Прирост запасов нефти в 1997 году составил 70-80% от ее добычи при необходимом минимуме в 230%¹. Устарела значительная часть магистральных трубопроводов, энергетического оборудования, не осуществлялись в нужном объеме меры поддержания плотин, дамб и других крупных объектов.

В результате - рост числа техногенных аварий и катастроф с людскими потерями и огромным материальным ущербом. В 1996 году их число на промышленных объектах составило примерно 250, на гражданских объектах - 280, на транспорте - 150, на магистральных трубопроводах - 60, на ядерных объектах - 15, химических -70, в авиации - 40, на водных судах - 20².

За несколько десятилетий ценой огромных усилий в Советском Союзе был создан уникальный, мощный научно-технический потенциал, сопоставимый с североамериканским и европейским. В нем было сосредоточено около четверти мирового научного персонала. Особенно сильные позиции он занимал в фундаментальной науке. Большая его часть была дислоцирована в Российской Федерации. При всех своих слабостях и недостатках (приборное оснащение и опытно-экспериментальная база, преобладающая ориентация на оборонные нужды) накопленный научно-технический потенциал был одним из главных устоев экономической мощи страны.

Обвальное падение производства, в том числе в ВПК, парализовало спрос на научные исследования и разработки. Одновременно резко сократились бюджетные ассигнования на науку. В результате, несмотря на разукрупнение, стало сокращаться число научно-исследовательских организаций, особенно научно-технических подразделений на предприятиях. Численность работников научных организаций с 1992 по 1998 годы сократилась с 1532 до 885 тысяч человек, т.е. более чем в 1,7 раза, а исследователей и техников – еще больше.

Федеральные бюджетные расходы на науку к 1998 году упали до 0,23% ВВП, при том, что и объем ВВП уменьшился почти вдвое. Это во много раз

¹ «Финансовые известия», № 70 (24) от 18 сентября 1997 г.

² «Ежегодный государственный доклад о состоянии защиты населения и территории РФ от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», МЧС, 1997, с.128.

ниже порога национальной безопасности. Наука и научное обслуживание превратились из наиболее престижной сферы деятельности в одну из самых низкооплачиваемых отраслей, по существу, в зону бедствия. Средняя заработная плата здесь оказалась значительно меньшей, чем в промышленности, строительстве, на транспорте и в связи, не говоря уже о финансово-банковской системе. К тому же зарплата выдавалась с большими задержками. Научные учреждения и институты зачастую не имели денег на оплату коммунальных услуг, воды, тепла, электричества. Практически полностью приостановились затраты на приборы, оборудование и материалы, на иностранную литературу и периодику, на проведение научных семинаров и конференций.

В начале 90-х годов началась массовая «утечка мозгов» за рубеж, часть научных сотрудников перешла в сферу мелкого и среднего бизнеса. «Утечка мозгов» происходила также через скупку зарубежными фирмами за бесценок результатов исследований и разработок, выполненных российскими научными учреждениями. Научно-технический потенциал России пострадал в 90-е годы настолько, что поставлена под вопрос сама возможность его восстановления.

2. Обнищание населения и социальная поляризация

Особенно тяжелыми оказались социальные последствия кризиса, поставившие под угрозу само существование нации. По всем социальным показателям жизни населения (уровень и дифференциация доходов, степень удовлетворения социально-культурных потребностей, состояние преступности, динамика рождаемости, смертности и прироста населения, продолжительность жизни и др.) ухудшение перешло критические значения.

В результате либерализации цен реальные доходы населения в 1992 году снизились почти вдвое. Затем, по официальным оценкам, в 1993-1994 годах наблюдалось их некоторое повышение, в 1995 году они снизились еще на 16%, в 1996 и в 1997 годах практически не изменились, а в 1998 году вновь

упали более чем на 16%, т.е. до уровня 1992 года¹. Потребление материальных благ и услуг снизилось до 40% докризисного уровня.

Большинство семей перешло в режим выживания. Об этом свидетельствует резкое повышение доли доходов, затрачиваемых на продовольствие, и уменьшение доли затрат на приобретение промышленных товаров. Но при этом и питание населения существенно ухудшилось: сильно сократилось потребление всех основных продуктов, особенно мяса, молока, яиц, рыбы, возросло лишь потребление картофеля (см. табл. 7).

Таблица 7.

**Потребление продуктов питания в домашних хозяйствах
(в среднем, на члена домохозяйства в год, кг)²**

	1991 г.	1996 г.
Хлеб	101	97
Картофель	98	108
Овощи, бахчевые	87	78
Фрукты, ягоды	35	31
Мясо	65	48
Яйца (шт.)	229	173
Молоко и молочные продукты	348	235
Рыба	14	9
Сахар и кондитерские изделия	29	26

Резко усилилась дифференциация доходов. Средний денежный доход 10% самых состоятельных и 10% самых бедных семей до кризиса различался в четыре раза, а в 1997 г. этот разрыв возрос до 13,2 раза. На долю первых 10% семей приходилось около 32%, а на долю нижних 10% - всего 2,4% национального дохода.

По официальным данным, в стране за чертой бедности в 1998 г. оказалось 34,3 млн. человек, то есть 23,4% населения, доходы которых ниже так называемого прожиточного минимума. Но прожиточный минимум - это скорее уровень не бедности, а нищеты. Порог бедности, по крайней мере, был

¹ Российский статистический ежегодник. 2000 г., с.141.

² Российский статистический ежегодник, 1997, с.175.

вдвое выше. За пределами этого порога находилось абсолютное большинство населения.

Дифференциация доходов четко обнаружилась и по отраслевому признаку. В экспортно ориентированных отраслях (добыча нефти, газа, цветная металлургия), а также в электроэнергетике и особенно в банковско-финансовой сфере заработная плата в 2-3 и более раз превышала ее средний уровень, а в машиностроении, сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании, культуре и науке была значительно ниже его.

Увеличился разрыв в уровнях доходов населения и в региональном разрезе. В Москве среднедушевые доходы превышали среднероссийский уровень в три раза, в Санкт-Петербурге – на 20%. Они были выше среднего уровня в областях, прилегающих к границам, через которые шла интенсивная торговля с зарубежными странами. Вместе с тем в Центральном, Центрально-Черноземном, Северо-Кавказском регионах доходы населения были значительно ниже среднего уровня, а в ряде областей и республик приблизились к официальному прожиточному минимуму. Таким образом, малообеспеченность и бедность населения стали присущи целым отраслям и регионам.

Показательно изменение и структуры доходов населения. В 1991 году оплата труда в общей массе доходов населения составляла около 75%, а доходы от собственности, предпринимательской деятельности, финансовых операций - четыре с небольшим процента. А в 1995 году доля оплаты труда в общей сумме доходов опустилась до 39,5%, а доля дохода от собственности, предпринимательской деятельности и финансовых операций поднялась до 43,8%, то есть в 10 раз. Соответственно этому в расходах населения - за счет его состоятельной части - значительно увеличилась доля расходов на покупку валюты, вложений в банки, ценные бумаги, на финансовые операции и т.д.

Одни жили в основном на зарплату, которая в большинстве отраслей (за исключением трех-четырех) - нищенская. Другие стали получать непомерные доходы, купаться в роскоши, приобретать шикарные лимузины, воз-

водить особняки, выезжать на престижные курорты и т.д. Все это - свидетельства глубокого расслоения общества.

К этому надо добавилось бедственное положение социально-культурной сферы, финансируемой за счет бюджета, - здравоохранения, образования, науки и культуры. Доля государственных расходов на социально-культурные нужды в общественном продукте в годы кризиса осталась прежней, но ведь он упал более чем вдвое, а значит вдвое или больше уменьшились абсолютные расходы на социальные нужды. Но потребности населения, например, в медицинском обслуживании, не уменьшились, наоборот, они даже возросли из-за неблагоприятных социально-экономических условий жизни, так же, как не уменьшились потребности и в образовании, науке и культуре. Снизилось качество обучения в государственных общеобразовательных и профессиональных учебных заведениях. А вот как изменились основные показатели культуры (см. табл.8):

Таблица 8.

**Основные показатели культуры
(на конец года)¹**

	<i>1990</i>	<i>1998</i>
Число профессиональных театров	382	523
Численность зрителей	55,6	27,6
Число музеев	1315	1942
Число посещений, млн.	144	66,8
Тираж книг и брошюр, млн.экз.	1553	408
Годовой тираж журналов, млн.экз.	5010	659
Разовый тираж газет, млн.экз.	166	112
Выпуск игровых фильмов	375	46

Началось нечто вроде культурной революции наоборот. Число театров и музеев возросло, но посещать их стали в 2 раза меньше. Тираж книг и брошюр упал почти вчетверо, газет - в 1,5, журналов – в 8 раз, выпуск игровых фильмов – в 8 раз. Здесь сказалось многое - и приспособление населения к режиму выживания в условиях жестокого кризиса, и коммерциализация

¹ Российский статистический ежегодник, 2000, с.229.

культуры вследствие сокращения государственной поддержки, и размывание духовно-культурных ценностей в общественном сознании.

Здоровье нации стало подрываться не только в духовно-моральном, но и в прямом физическом смысле. Заметно выросли показатели по болезням социального характера. За 1990-1998 годы произошли вспышки заболеваний активным туберкулезом (с 50,6 до 110 тыс.), чесоткой (с 29 до 181 тыс.), сифилисом (с 7,9 до 342 тыс.). Бурное распространение получила наркомания. Число состоящих на учете больных наркоманией возросло за 1990-1998 гг. в 5 раз и составило 174 тыс. человек. Фактические же масштабы наркомании несравненно больше. Если не парализовать, то смягчить эти негативные процессы могла бы система здравоохранения, но и она оказалась в кризисном состоянии. Снизилась обеспеченность медучреждений техникой, лекарствами, средним и младшим медицинским персоналом.

Единственный показатель, по которому Россия не достигла параметров великой депрессии 1929-1933 годов на Западе, - безработица. По официальным данным, уровень безработицы в 1992-1996 годах не превышал 10% и лишь в 1998 году составил в России 8,9 млн. человек, т.е. 13,3% экономически активного населения, а зарегистрировано было только около 2 млн. безработных.

Возникает вопрос: как сочетается глубокое падение производства со сравнительно невысокой безработицей? Казалось бы, занятость в сфере производства должна была уменьшиться вдвое, а безработица составить 20-25 млн. человек. Фактически она была вдвое ниже.

Объяснить это можно рядом факторов, в том числе нежеланием людей прерывать связи со своими предприятиями, стремлением администрации сохранить кадры квалифицированных рабочих в надежде на то, что все-таки наступят условия для возобновления производства, широким распространением отпусков без сохранения содержания или с минимальной оплатой.

Резкое изменение социально-экономических условий жизни народа, как в фокусе, отразилось на динамике демографических процессов. Впервые

со времени войны смертность превысила рождаемость, и естественный прирост населения сменился его уменьшением. За 1992-1999 годы естественная убыль населения составила 5,9 млн. человек. Даже мощный миграционный приток населения, главным образом за счет переселенцев и беженцев из ближнего зарубежья (3,1 млн.), не мог компенсировать естественную убыль населения, и оно сократилось на 2,7 млн. человек, составив к началу 2000 года 145,9 млн. человек.

В некоторых публикациях предпринималась попытка объяснить эти процессы не реальной экономической ситуацией, а общемировыми тенденциями, порожденными индустриальным и социальным прогрессом человечества, переходом к новому типу воспроизводства населения, длинными демографическими волнами. Да, такие тенденции реальны, но они проявляют себя в вековых колебаниях демографических показателей, а не в обвальных процессах. Сокращение прироста населения в течение ряда десятилетий происходило в большинстве развитых стран, но его абсолютное уменьшение наблюдалось лишь в отдельные годы за счет падения рождаемости при практически неуклонном снижении смертности. В России же одновременно уменьшилась рождаемость (с 12,1 в 1991 г. до 8,3 промилле в 1999 г.) и столь же сильно возросла смертность (с 11,4 до 14,7 промилле за те же годы), а естественная убыль населения с 1992 г. превратилась в устойчивую тенденцию, которая продолжала действовать и в первом десятилетии нового века. В основе ее лежали социально-экономические факторы. Так, повышение смертности коснулось в наибольшей степени лиц трудоспособного возраста, прежде всего мужчин. В 1994 г. по сравнению с 1991 г. смертность от убийств возросла в 2 раза, от самоубийств - в 1,6 раза, от алкоголя - в 3,8 раза. Только по этим причинам смертность увеличилась на 100 тыс. человек, то есть на 0,7 промилле.

Негативные тенденции в воспроизводстве населения суммируются в динамике ожидаемой продолжительности жизни людей. Этот показатель в России в 1990-1994 гг. снизился беспрецедентно: с 69,2 до 64, в том числе у

мужчин - с 64 до 57,6 и у женщин - с 74,3 до 71,2 лет. В 1995-1998 гг. ожидаемая продолжительность жизни несколько возросла, а в 1999 г. вновь упала до 66 лет. В России она оказалась значительно ниже, чем в США и Великобритании (75), в Канаде (76), в Швеции (78) и Японии (79 лет).

Возникает вопрос, как и за счет чего страна все-таки жила в условиях обвального падения и растущей дезорганизации экономики. При этом социального взрыва не произошло, хотя подспудно недовольство ситуацией и политикой властей нарастало. «Секрет» заключен в наличии ряда факторов, которые позволяли в какой-то мере смягчать социально-экономическую и политическую обстановку, но в то же время ухудшали перспективы развития страны, подрывали ее экономический потенциал.

Это, прежде всего, непомерная эксплуатация и растраниживание природных ресурсов. Картина такая: производство, а значит и потребность в топливе, сырье и других первичных материалах резко сократились, но их извлечение из недр земных продолжалось полным ходом, если и сократилось, то в значительно меньшей степени, чем выработка конечной продукции. «Излишек» топливно-энергетических, сырьевых ресурсов и продуктов их первичной переработки широким потоком пошел за границу.

Их продажа на мировом рынке резко увеличилась, по некоторым позициям в несколько раз. В 1998 году за рубеж перекачено более 137 млн. тонн сырой нефти и 54 млн. тонн нефтепродуктов при общем объеме добычи нефти в 303 млн. тонн. Это значит, за границу ушло более 60% ресурсов жидкого топлива. В том же году на мировом рынке продано 203 млрд. кубометров, т.е. 34% добываемого в стране газа, вывезена большая часть производимых в стране меди, алюминия, никеля и проката черных металлов.

При многократном сокращении внесения минеральных удобрений в российскую землю 80% их объема продавалось за рубежом. Туда же шла половина каучука, 40% аммиака, значительная часть древесины и лесоматериалов, производимых в стране. Стоимость топливных и сырьевых поставок на внешний рынок составила 20% валового внутреннего продукта страны.

Поступления в бюджет от производства и продажи за границей товаров топливной и сырьевой групп, а также продуктов их первичной переработки стали давать львиную долю доходов госбюджета.

Значительная часть доходов от топлива и сырья шла предприятиям-производителям и экспортерам, обеспечивая сравнительно высокую их прибыльность, а также зарплату нефтяников, газовиков, энергетиков, работников черной и цветной металлургии и т.д. Но огромные средства от их вывоза оседали за рубежом, в руках различного рода посредников, прокручивались в финансово-банковской системе, образуя сверхвысокие доходы небольшой прослойки людей. Продажа за рубеж топлива и сырья смягчала социально-экономические трудности, вызванные кризисом, но явилась одной из причин нарастания разрыва в доходах.

Другой амортизатор кризисных трудностей - проедание накопленного национального богатства страны, прежде всего ее производственных фондов. Как уже отмечалось, в условиях кризиса не обеспечивалось даже простое воспроизводство основных фондов. Средства амортизационного фонда частично обесценивались инфляцией, частично использовались не по назначению - для восполнения недостатка в оборотных средствах и даже на поддержание доходов.

Колоссальным расхищением производственного потенциала страны и обманом народа обернулась приватизация государственной собственности с помощью ваучеров. Вместо обещанного возвращения собственности тем, кто ее создал, в итоге произошла, по сути дела, безвозмездная передача госсобственности в руки бюрократии и дикого полукриминального капитала.

Та же линия была продолжена и на «коммерческом» этапе приватизации. Ценнейшие производственные и инфраструктурные объекты и комплексы, такие, как «Норильский никель», «Связьинвест», пакеты акций нефтяных, химических, автомобильных компаний за бесценок перешли в распоряжение частных лиц и коммерческих банков. Выручка же от акционирования и продажи акций использована для латания прорех в бюджете, на непроекти-

тельные цели. Немалая часть и этих денег использована для обогащения чиновников и новых предпринимателей.

От федеральных структур стремились не отставать и региональные власти, муниципальные органы, широко развернувшие продажу или сдачу в аренду производственных объектов, жилья, нежилых помещений, земельных участков. Особенно это касается Москвы, Санкт-Петербурга и других крупных городов, где эти операции приобрели огромные и неконтролируемые размеры.

Вовсю шло растранивание и интеллектуального потенциала страны. Винить ученых, деятелей культуры, специалистов, выехавших за границу на постоянную работу или по срочному контракту, конечно же, нет оснований. Так же, как нельзя упрекать научные учреждения и исследовательские центры, которые, не находя спроса на свои разработки внутри страны и оставшись без финансирования, вынуждены продавать их зарубежным фирмам порой за бесценок. В каком-то смысле это облегчило бедственное положение науки и ученых, но нельзя не видеть, что в то же время это наносило огромный ущерб интересам страны.

90-е годы, безусловно, войдут в социально-экономическую историю страны как годы тяжелейшего экономического кризиса, расхищения богатств страны, как естественных, так и созданных трудом многих поколений, неслыханного обнищания большинства народа и обогащения узкой группы приватизаторов и олигархов, близко стоявших к государственной власти.

3. Шоковая терапия и кризис ельцинского режима

Поздравляя «дорогих россиян» с наступлением нового 1992 года, Ельцин заверил: «Говорил и не раз буду повторять - нам будет трудно, но этот период не будет длительным. Речь идет о шести-восьми месяцах». Что стояло за этим заявлением: стремление успокоить общественное мнение или отсутствие понимания реальной опасности намеченных перемен? Скорее всего – и

то и другое. На самом деле шоковые потрясения продолжались в России «шесть-восемь», но не месяцев, а лет.

Уже в первые дни и недели 1992 года рост «отпущенных» на свободу цен многократно превзошел публичные прогнозы Ельцина и Гайдара. Непомерное вздорожание продовольственных товаров повседневного спроса вызвало стихийные протесты населения, особенно в крупных городах. После первого (январского) шокового удара социально-экономическое положение в стране продолжало стремительно ухудшаться. Резко сокращались промышленное производство и налоговые поступления в бюджет. Широкое распространение получили длительные, многомесячные задержки зарплат, стипендий, пенсий и даже детских пособий. В результате «освобождения» цен в первые же месяцы 1992 года оказались практически конфискованными все сбережения населения и предприятий в сберкассах и банках. Был тем самым грубо поправан принятый осенью 1991 года закон, гарантировавший компенсации вкладчикам.

Миллионы граждан из сторонников реформ быстро превращались в их противников. В Москве социальные протесты вылились в перекрытие улиц живыми цепями учителей, в забастовки медиков. Начались протестные выступления в цехах промышленных предприятий, на транспорте и в шахтах. Оппозиция выводила людей на улицы под лозунгами: «Прекратить чудовищный эксперимент над народом!», «Гайдара в отставку!». Радикальные либералы со своей стороны безуспешно пытались организовать контр-митинги в поддержку правительства и президента. Кризис социально-экономический закономерно перерастал в крупномасштабный социально-политический.

Стремительно обостряющиеся противоречия в стране вызвали в Верховном Совете России взрыв антигайдаровских настроений. Но в апреле 1992 года, накануне VI Съезда народных депутатов Ельцин заявил, что не допустит отставки правительства. Немалую роль сыграло то, что правительства стран «большой семерки» определенно дали понять о своей негативной реакции на отставку гайдаровской команды, с которой они связали предоставле-

ние России кредитов МВФ. Напротив, Ельцин повысил статус Гайдара, сделав его первым вице-премьером, а еще через некоторое время – и.о. премьера. В состав правительства было введено несколько «отраслевиков», в том числе В.С.Черномырдин. Председатель Верховного Совета Р.И.Хасбулатов представил Съезду альтернативную экономическую программу, но на отставку правительства большинство депутатов не пошло, рекомендовав выполнять постановления Съезда с учетом реальных экономических условий.

Первый парламентско-правительственный кризис закончился компромиссом. Однако каких-либо существенных выводов исполнительная власть не сделала. Экономическая и социально-политическая обстановка в стране продолжала ухудшаться, несмотря на поддержку и кредитную помощь Запада. «В сентябре 1992 года, - признал президент, - я посмотрел цифры экономических показателей за девять месяцев. Было от чего прийти в ужас. Страна неуклонно ползла к гиперинфляции, к развалу производства, к обрыву экономических связей»¹. И далее: «целые слои населения сползали к черте бедности... И при этом резкое социальное расслоение. Богатство одних контрастирует с нищетой других. Общество вступает в тяжелую полосу социального отчуждения»². Но вопреки этим очевидным выводам президент усматривает надежду на лучшее в том, что «дефицит товаров сменился на дефицит денег»³. И намерен продолжить шоковые гайдаровские реформы любой ценой...

В декабре 1992 года на VII Съезде народных депутатов России экономическая политика правительства и президента вновь подверглась острой критике за резкое снижение уровня жизни населения и государственной поддержки науки, образования, здравоохранения, культуры. Депутатское большинство категорически отвергло возможность сохранения правительства Гайдара. Съезд большинством голосов отказался продлить чрезвычайные полномочия президента, данные ему ранее на один год для проведения ради-

¹ Б.Ельцин. Записки президента. 1994 г., с. 238.

² Там же, с. 264.

³ Там же, с.с. 238-239.

кальных экономических реформ, в ответ на что президент с трибуны съезда обратился к гражданам страны, заявив, что парламент «превратился в сплошную реакционную массу».

Но и на этот раз президентско-парламентское противоборство ограничилось шатким компромиссом - договоренностью о проведении в апреле 1993 года референдума по доверию президенту и парламенту. По предложению Ельцина председателем правительства стал Черномырдин. Предлагая его на этот пост, Ельцин исходил из того, что известный производственник и управленец будет выполнять то, что не успел или не смог сделать Гайдар¹.

Нарастание глубокого кризиса государственной власти становилось очевидным. Она на глазах теряла эффективность и доверие: ни одна из официально провозглашенных ею целей не достигалась. В обществе нарастала дестабилизация. Положение в экономике все более ухудшалось. Наблюдалась повсеместный рост преступности, разгул коррупции в государственных структурах. Набирал масштабы и остроту социальный раскол общества. По данным исследований и оценкам Института социально-политических исследований РАН и других научных центров страны, социальная и социально-политическая ситуация в России к концу 1992 года характеризовалась «как сползание к социальной катастрофе».

К концу 1992 года резко сократилось число сторонников курса радикальных реформ. Вера значительной части населения в скорые положитель-

¹ См. Б.Ельцин. Записки президента, М., 1994 г., с.299.

Ельцин так оценивал главные итоги первого года гайдаровских реформ: «Реформа Гайдара обеспечила... разрушение старой экономики. Дико болезненный, без хирургического блеска, а напротив, - с каким-то ржавым скрежетом, когда с мясом выдирают куски отработавших деталей, механизмов, - но слом произошел». (Там же, с.164).

Что касается роли лично самого Гайдара, то, как считает Ельцин, он «не до конца понимал, что такое производство. И, в частности, - что такое металлургия, нефтегазовый комплекс, оборонка, легкая промышленность. Все его знания об этих отраслях носили главным образом теоретический характер. И в принципе такой дисбаланс был довольно опасен». (Там же).

По мнению же Гайдара, «Главные причины провала демократической власти связаны не с тем, что люди стали жить намного хуже (или демагоги сумели им внушить, что страна «катится в пропасть»), а с глубоким разочарованием избирателя в «демократии воров (Газета «Известия», 10.02.1994 г.)».

...Иногда этот процесс называют «первоначальным накоплением». Оно всегда и везде было грязным, грабительским, через этот этап надо пройти и т.д. Здесь есть некая логика. Беда в том, что в норме первоначальное накопление шло на развитие своей страны, а не сводилось к перекачиванию триллионов и десятков триллионов рублей в западные банки. **Та форма «накопления в Швейцарии», которую мы имеем, напоминает только колониальный, полуколониальный, компрадорский режим».** (Там же).

ные результаты радикальных реформ сменилась настроениями отчуждения и непринятия официально проводимой политики. По данным социологических опросов, негативное отношение к проводимым реформам выразили 47% опрошенных россиян, а их положительные результаты увидели всего 6% жителей России.

Социальная поляризация в обществе определяла и раскол во власти. На фоне провальных итогов первого года чрезвычайных президентских полномочий Верховный Совет России не только перестал поддерживать ельцинско-гайдаровский вариант реформ, но и стал активно выступать против него, отражая критическое и протестное отношение абсолютного большинства населения к результатам политики правительства. Ельцин же, как показывал ход событий, менять свой стратегический курс был не намерен.

Весь 1993 год – это обострение противоборства между президентом и съездовской оппозицией. Весной после серии взаимных обвинений Ельцин публично заклеил работу Верховного Совета как «генеральную репетицию реванша бывшей партноменклатуры» и ввел президентским указом «особый порядок управления до преодоления кризиса власти», но Конституционный суд квалифицировал указ как не соответствующий Конституции.

В ходе подготовки апрельского референдума о доверии президенту и Съезду народных депутатов все средства массовой информации буквально вдалбливали в массовое сознание такие ответы на вопросы референдума, которые отвечали бы интересам президентской стороны. Но и при этом результаты референдума показали низкий уровень доверия президенту (37,7%), поддержки социальной политики президента и правительства (34%). За досрочные выборы президента высказалось 31,7%, а народных депутатов - еще большая доля участников референдума. Ельцин же однозначно истолковал результаты референдума в свою пользу.

В начале сентября он приступил к подготовке силового устранения Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. В сопровождении министра обороны президент лично проверял готовность расположенных под

Москвой элитных воинских частей к выполнению своих приказов. Заблаговременно по дипломатическим каналам Ельцин заручился одобрением своих действий со стороны руководителей стран «большой семерки» и лично президента США Б.Клинтона. Своеобразной пробой сил явились первомайские «беспорядки» на улицах и площадях Москвы, жесткие схватки демонстрантов с силовыми структурами.

21 сентября Ельцин издал указ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе РФ». Он объявил о прекращении законодательных, распорядительных и контрольных функций Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Конституционному суду предписывалось прекратить деятельность до избрания Федерального Собрания. Иными словами, парламент и Конституционный суд России объявлялись вне закона... Оправдывая этот далеко идущий, чреватый непредсказуемыми разрушительными последствиями акт, Ельцин в выступлении по телевидению поспешил публично переложить с себя на Съезд народных депутатов и Верховный Совет ответственность за провал экономических реформ, за разгул беззакония и преступности, за все другие беды страны. Оставался один шаг до развязывания кровавой гражданской войны. И он вскоре последовал.

Белый дом, где народные депутаты с 22 сентября непрерывно заседали, принимая многочисленные протестные резолюции, постановления, воззвания, и к которому стали стекаться сочувствующие и толпы просто любопытных, был жестко блокирован силами милиции и внутренних войск. 3 октября массовые беспорядки и столкновения произошли у здания Московской мэрии, а затем у телестудии в Останкино. В свою очередь лидеры осажденных в Белом доме заявили о намерении взять Кремль.

Вечером 3 октября президентом было введено чрезвычайное положение, к утру 4 декабря в столице силами милиции и дивизии Дзержинского был установлен контроль над столицей. Президент своим приказом потребовал от министра обороны начать штурм осажденного Белого дома. В течение нескольких часов переполненное депутатами здание расстреливалось прямой

наводкой из танковых орудий, подтянутых к парламенту. «Были убитые, много убитых», – признает Ельцин¹. По официальным данным, погибло 123 человека, по неофициальным оценкам - 1500. Сколько было убитых на самом деле – так и осталось неизвестно, поскольку следствие по делу об октябрьской трагедии в Москве было закрыто на основании решения в феврале 1994 года об амнистии. Оно было принято «в пакете» с политической и экономической амнистией, распространенной и на членов ГКЧП, находившихся в тюрьме. Это была, по сути дела, беспринципная сделка о взаимном освобождении от ответственности тех, кто приказал расстреливать парламент в сентябре 1993 года, и тех, кто организовал путч в августе 1991 года.

1994-1995 годы ознаменовались закреплением в России олигархической системы власти. В преддверии парламентских и президентских выборов президент и его окружение активно позаботились об укреплении социально-политической опоры власти. Эта задача решалась в ходе новой волны приватизации путем залоговых аукционов, в результате которых произошло далеко идущее слияние бизнеса и власти, сопровождавшееся беззаконием и коррупцией.

В выборах депутатов Федерального Собрания в декабре 1993 года приняло участие лишь 54,3%, то есть немногим более половины избирателей. Их итоги оказались для власти плачевными. Из числа проголосовавших было подано голосов: за партию Жириновского – 21,4%, за блок коммунистов и аграриев - 19%, «Выбор России» - 14,5%, «Яблоко» - 7,3%, ПРЕС – 6,3%, Демократическую партию России – 5,1%. С учетом результатов выборов по одномандатным округам депутатские мандаты в Думе распределились так: «Выбор России» - 78, партия Жириновского – 63 мандата, КПРФ – 55, ПРЕС - 30, «Яблоко» - 27, «Женщины России» - 30, Демпартия – 15.

Это был явный провал ельцинского руководства. Правда, он с лихвой компенсировался тем, что выборы были совмещены с референдумом по проекту Конституции, который дал положительный результат. Новая Конститу-

¹ Б.Ельцин. Записки президента. М, 1994 г., с.

ция непомерно расширила полномочия президента при существенном сокращении компетенции парламента. Предельно усложнился юридический механизм возможного привлечения президента к ответственности: оно стало практически неосуществимым. В реальности в России усилилась и закрепились бесконтрольная и безответственная личная власть Ельцина.

Драматическая ситуация сложилась и вокруг президентских выборов 1996 года. Возглавлявший тогда партию «Демократический выбор России» Гайдар пришел к решению просить Ельцина отказаться от выставления своей кандидатуры во втором туре, поскольку в создавшейся ситуации это было бы, по словам Гайдара, «лучшим подарком коммунистам». Возглавляемый вице-премьером Сосковцом избирательный штаб Ельцина, учитывая крайнее падение его рейтинга, высказался за отсрочку президентских выборов. Однако ближайшее, «семейное» окружение главы государства перехватывает инициативу и убеждает Ельцина не снимать свою кандидатуру. Избирательная технология была отмечена небывалым, несравнимым даже с апрельским референдумом 1994 года зомбированием избирателей «смертельной угрозой возвращения коммунизма», нелегальным использованием президентской стороной миллионов долларов, развозимых чемоданами по избирательным округам. До половины голосов, полученных Ельциным во втором туре выборов, было подано не столько его сторонниками, сколько теми, кого отталкивала фигура его соперника на выборах - Зюганова. Не исключена и прямая фальсификация итогов выборов в пользу Ельцина.

После выборов настроения и ожидания самых различных групп населения отражали, по данным социологических исследований, рост обеспокоенности граждан состоянием экономики, политической власти, правопорядка, межнациональных отношений, обороноспособности, практически всех сфер общественной и государственной жизни. Как бы в знак победы Ельцина на выборах радикал-реформаторы построили пирамиду ГКО, обслуживание которой стало съедать все денежные доходы государства и в конечном счете привело к дефолту. Психологический настрой населения явно радикализиро-

вался, в людях копились раздражение и протест¹. Сохранялась и увеличивалась напряженность в отношениях между Центром и регионами.

Весной 1998 года президент отправляет в отставку Черномырдина и назначает правительство «молодых реформаторов» во главе с С.В.Кириенко. В стране нарастают кризисные финансово-экономические проблемы. Начинается новая «рельсовая война». Программа крупного сокращения государственных расходов и роста налогов, выдвинутая новым правительством, потерпела провал в Госдуме. Отказался ее поддержать и МВФ. Карьера молодых реформаторов кончилась отказом от платежей по ГКО, дефолтом, вопреки публичным заверениям президента Ельцина, что ничего подобного не будет. Это был полный финансовый крах режима.

Ельцин распускает правительство молодых реформаторов, но пытается вернуть в правительство Черномырдина. Дума дважды отклоняет его кандидатуру.

Страну и президента спасает то, что после долгих уговоров возглавить правительство соглашается Е.М.Примаков. Он привлекает в свою команду Маслюкова, Геращенко и других опытных, известных советских специалистов-экономистов. Менее чем за год нарастание финансового кризиса и падение производства были остановлены.

Эпоха Ельцина и его режима заканчивалась. Кредит общественного доверия был им окончательно исчерпан. Ельцин сам начал это понимать и начал готовить приемлемые для себя выходы. И прежде всего встал вопрос о руководителе правительства, который по Конституции в случае досрочной отставки президента становится исполняющим его обязанности. Примаков в этой функции его, конечно, не устраивал и был отправлен в отставку. Премьером стал В.С.Степашин, но и он пробыл в качестве преемника лишь два месяца и был заменен в качестве наследника малоизвестным тогда чекистом В.В.Путиным. В связи с отставкой Ельцина он и стал и.о. президента России, а затем – после выборов 2000 года – и полноправным президентом.

¹ М.К.Горшков «Обновление России: трудный поиск решений», М., 1997 г.

Эпоха Ельцина канула в лету, но преодоление ее тяжелых последствий и сегодня не утратила своей актуальности.

Заключение

Была ли шоковая терапия экономики страны неизбежной?

На первый взгляд, такая постановка вопроса вроде бы уже не имеет смысла: ведь то, что произошло почти два десятилетия тому назад, не вернешь и не изменишь. Это, конечно, так, но анализ и оценка перемен в стране, связанных с шоковой терапией, уроков, вытекающих из нее, не утратили своего значения как теоретически, так и практически.

Общественное развитие, в том числе экономическое, не является жестко детерминированным и неуклонно поступательным. Оно зависит от исторически складывающихся факторов, политической борьбы, верх в которой на отдельных отрезках истории могут брать неадекватные взгляды и политические силы. Все это требует объективного анализа.

Практическое же значение оценок шоковой терапии определяется тем, что ее отрицательные последствия для страны так и не преодолены. Это топливно-сырьевая гипертрофия экономики при запущенности научно-технического потенциала, обрабатывающих производств и сельского хозяйства. Именно в этом причина большей глубины и тяжести экономического кризиса 2008-2009 годов в России, чем в странах Запада и тем более Китая, Индии и Бразилии.

Политика шоковой терапии не была безальтернативной. В этой связи можно напомнить, что к лету 1991 года в рамках Новоогаревского процесса была разработана «Программа современных действий Кабинета Министров СССР и правительств республик по выводу экономики из кризиса в условиях перехода к рынку». Это был сжатый, но достаточно содержательный и реалистический документ, включающий согласованные оценки и выводы как по общим перспективам развития страны и углубления рыночных преобразований, так и по наиболее важным и неотложным народнохозяйственным проблемам. В их числе нормализация хозяйственных отношений, преодоление продовольственного кризиса и стабилизация потребительского рынка, оздоровление финансов и денежного обращения, разгосударствление и демоно-

политизация экономики, развитие предпринимательства, социальная защита населения, ускорение научно-технического прогресса и структурной перестройки экономики. Документ дважды обсуждался в Верховном Совете, а 5 июля был подписан Президентом СССР и вступил в действие.

Оценки и выводы М.С.Горбачева по вхождению СССР в систему международных экономических связей были положительно встречены на Лондонской встрече «семерки» в июле 1991 года. Казалось, что появился «свет в конце туннеля», перед страной открывался путь непростых, но конструктивных преобразований, экономического и политического обновления. Но путч перечеркнул эту перспективу, открыл шлагбаум для действий авантюристических сил, выступающих за роспуск Союза и шоково-рыночную терапию экономики.

После провала путча союзная власть была фактически обесточена. Прерогативы Президента СССР ограничены. Представительные органы власти – Съезд народных депутатов и Верховный Совет Союза – перестали функционировать. Вместо союзного правительства был образован Межреспубликанский экономический комитет в составе Силаева, Вольского, Явлинского и Лужкова с весьма ограниченными функциями. Руководители силовых структур Союза (обороны, внутренних дел, госбезопасности), МИДа, экономических органов, информационных служб (Гостелерадио, ТАСС) были назначены по согласованию с Президентом РФ. В этих условиях усилия Президента СССР были сосредоточены в основном на сохранении Союза ССР. С огромным трудом, в результате острых дискуссий Горбачеву удалось добиться согласия Ельцина с формулой Советского Союза как конфедеративного государства. Но и это оказалось со стороны Ельцина лишь тактической уловкой. На деле он вел линию на подчинение союзных структур российским, подготовку полного развала Союза, полагая, что, «освободившись от Союзного центра и иждивенцев», которыми он считал остальные союзные республики, и при помощи Запада в России удастся за короткий срок привести радикальные экономические реформы.

Замысел применения к России шоковой терапии готовился келейно, узкой группой экономистов во главе с Е.Т.Гайдаром, с участием западных советников и регулярными советами с Международным валютным фондом. Подавляющее большинство отечественных ученых-экономистов оказалось в стороне от выработки концепции гайдаровских реформ. Проект реформ ни на одной стадии – от зарождения до принятия и начала осуществления – не был предметом обсуждения и апробации в научно-экономическом сообществе страны.

Официального целостного программного документа, излагающего цели, содержание реформ, их основные компоненты, приоритеты и рубежи, которых страна должна была достигнуть, опубликовано не было. По заявлениям инициаторов и исполнителей шоковых реформ можно судить лишь об их отдельных составляющих. Несомненно лишь одно – в результате осуществления шоковой терапии была «через колено» и «до основания» разрушена советская экономическая система. Вместе с ней подорваны и советские социальные институты, в том числе институты жизнеобеспечения и социальной защиты населения, а новые – не созданы.

Возникшая в итоге шоковой терапии экономическая система страны продолжает быть неэффективной, отягощена монополистическими аномалиями, бюрократическими препонами, чрезмерным вмешательством госаппарата, разросшейся коррупцией. Структура экономики остается архаичной, а темпы и качество экономического развития – не отвечающими современным требованиям.

На общем фоне быстрого развития мировой экономики в последние 20 лет Россия осталась единственной крупной страной, не продвинувшейся вперед. Объем ее ВВП упал в 1990-1998 годах вдвое, в 1999-2008 годах восстановлен и несколько превышен, а затем вновь снизился до уровня 1990 года. За это время США, Европа, Китай, Япония, Индия, Бразилия и другие страны мира ушли далеко вперед не только по объему ВВП, но и по его структуре. Особенно сильно возросло отставание России в современных высокотехно-

логичных и наукоемких отраслях. Это одно из самых пагубных последствий радикал-либеральной трансформации экономики России, шоковых методов ее лечения.

Острокритическая оценка радикал-либеральных реформ уже на их начальном этапе была дана большинством российских экономистов, в их числе был и автор этих строк¹. К ней пришли многие крупные специалисты в Европе и Америке. Так, профессор Калифорнийского университета Майкл Д. Интрилигейтор отмечал в 1996 году: «На практике шоковая терапия потерпела шокирующий провал. Это касается и ее последствий для российской экономики, и обнаружившейся пустоты обещаний того, что ее результатом станет переход от социалистического к рыночному хозяйству»². Необходимость коренного изменения экономической политики в России была подчеркнута в известном заявлении российских и американских экономистов, в числе которых лауреаты Нобелевской премии Лоренс Р.Клейн, В.В. Леонтьев, Джеймс Тобин, Дуглас С.Норт, Кеннет Дж. Эрроу, академики Л.И.Абалкин, академики Л.И.Абалкин, Г.А.Арбатов, О.Т.Богомолов, Д.С.Львов, В.Л.Макаров, А.Д.Некипелов, С.С.Шаталин и другие³. Их позиция была обстоятельно аргументирована в названной выше книге⁴.

Развернутую критику Вашингтонского консенсуса и его применения Международным валютным фондом к различным странам, в том числе к России, дал профессор Дж.Стиглиц, старший вице-президент и главный экономист Всемирного банка⁵. Дж.Сорос на им же самим поставленный вопрос: «Кто потерял Россию?» - ответил так: «Попытка провести экономические реформы закончилась удручающим провалом», а «советы и помощь, которые

¹ См. Медведев В.А. Постперестроечная Россия. Проблемы и перспективы. М., Институт экономики РАН, Горбачев-Фонд, 1999 г., части I и II.

² Реформы глазами американских и российских ученых. Под общей редакцией академика О.Т.Богомолова, 1996 г., с. 130. .

³ «Независимая газета», 1 июля, 1996 г.

⁴ Реформы глазами американских и российских ученых. М., 1996 г.

⁵ См. Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к поствашигтонскому консенсусу. «Вопросы экономики», 1998 г., № 8.

от него (Запада) исходили, подталкивали в неверном направлении из-за заблуждений рыночного фундаментализма»¹.

Характерна оценка реформ в России, данная Джеффри Саксом, профессором Гарвардского университета, который был наставником молодых российских реформаторов и до определенного момента официальным советником российского правительства. В беседе с главным редактором журнала «Новое время», опубликованной под названием «Порочное зачатие капитализма в России», он заявил: «На мой взгляд, российская реформа провалилась... Реформа обернулась для страны огромным и непредвиденным бедствием, вызвала колоссальный дефицит бюджета, превратила в прах банковские сбережения и личные накопления, а широко распространившееся чувство неуверенности в завтрашнем дне трагическим образом содействовало сокращению продолжительности жизни взрослого мужского населения. Я считаю, что реформа потерпела поражение по всем статьям...

В процессе этих реформ представители крупного бизнеса России присвоили себе природные ресурсы страны на десятки миллиардов долларов. Приватизация естественных богатств приняла невиданные, самые бессовестные формы... И, как мне кажется, российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства - служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее...

...На мой взгляд, все происходящее здесь отвратительно и достойно сожаления... Я безмерно сожалею, что мое имя ассоциируется с такой реформой»². Профессор пытается от всего этого откреститься, сетует на то, что его советы и рекомендации исказили, но это лишь еще одно свидетельство провала российских реформ начала 90-х годов.

А вот как оценивают результаты шоковой терапии сами ее инициаторы и проводники. Не отрицая кризис экономики России в 90-е годы и падение

¹ Сорос Дж. Открытое общество. Реформируя глобальный капитализм. Пер. с англ. М., 2001 г., с. 311.

² «Новое время», 1997 г., № 49.

уровня жизни населения, они стремятся всячески смягчить его характеристики, представить как некий неприятный, но неизбежный и неглавный момент в целом положительного процесса трансформации экономики.

Е.Гайдар деликатно назвал его «постсоциалистической рецессией»¹. При этом замалчивается разрушительное воздействие кризиса на высокотехнологичные отрасли и производства, науку, инновационную деятельность, инвестиционный процесс. Паралич машиностроения, легкой и пищевой промышленности, а также сельского хозяйства оправдывается неспособностью советских предприятий адаптироваться к новым условиям, якобы нормальным рыночным отношениям.

Приукрашивание реальности проявляется в преуменьшении масштабов российской бедности и социальных контрастов, стремлении объяснить демографический обвал и феномен сверхсмертности 90-х годов некими общезивилизационными факторами и длинными демографическими волнами. Весьма характерно также замалчивание фактической ликвидации сбережений населения в начале 90-х годов в результате гиперинфляции. Если об этом и говорится, то только в связи с оправданием отсечения так называемого денежного навеса.

Все авторы радикал-либерального направления подчеркивают, что тяжести 90-х годов порождены наследием советской экономики, ее неспособностью к постиндустриальной перестройке. Но остается без ответа, почему для приобщения ее к современным преобразованиям потребовалось поворачивать вспять научно-технический прогресс, а для улучшения жизни народа – вначале вдвое снизить реальные доходы. Более того, падение производства и уровня жизни населения стараются изобразить как неизбежную плату за обновление и трансформацию социально-экономической системы. Чтобы поставить под сомнение беспрецедентность глубины и продолжительности экономического кризиса России в 90-е годы, приводятся аналогии с Германией и Японией, разгромленными во Второй мировой войне, и даже с критиче-

¹ См. Е.Гайдар. Структурные реформы. Ускорение вместо паузы. «Известия», 26 февраля, 2003 г.

ским состоянием экономики России в 1917-1922 годах. Но тогда уж стоило бы сравнить тяжесть российского кризиса 90-х годов с нашими экономическими потерями в годы Отечественной войны. И это сравнение покажет, что потери в 90-е годы вследствие падения объема производства были не меньшими, чем во время войны.

Из числа экономистов, причастных к шоковой терапии 90-х годов, более реалистическую и честную оценку ее итогов дает Евгений Ясин. Он квалифицирует период российских реформ, как «разрушительную фазу структурной перестройки экономики». В этой связи он говорит «о беспорядочном распределении собственности и власти», преступности, коррупции «в чудовищных размерах», «симбиозе бизнеса и власти», теневой экономике и т.д. «Самый разочаровывающий итог, - по мнению Е.Ясина, - это то, что было названо виртуальной экономикой, диким криминально-олигархическим капитализмом»¹. Нет сомнения: бывший министр экономики, профессор Е.Ясин знает, о чем пишет.

В заключение остается подчеркнуть, что шоковая терапия генетически - детище ельцинского режима. Она неразрывно связана с ним, несет в себе его черты: авантюризм, разрушительность, пренебрежение интересами людей, неразборчивость в выборе средств для достижения поставленных целей. Отход от шоковой терапии, критическое отношение к ней в официальных кругах стали возможными только после ухода Ельцина с политической арены. Но и сейчас официальная экономическая идеология и политика не свободны от ее пережитков, и это мешает выйти стране на траекторию качественного совершенствования и быстрых темпов экономического развития.

¹ См. Е.Ясин. Модернизация экономики и система ценностей. «Вопросы экономики», 2003 г., № 4.